

Прыжок леопарда

Бушмин Виктор

Виктор Васильевич Бушмин

Прыжок леопарда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69549811

SelfPub; 2023

Аннотация

Кровавая, интригующая и загадочная история средневековой Европы в третьей книге серии! Поединок двух могущественных держав Европы, династические убийства, кровавый битвы и тайны, окутанные мраком веков.

Виктор Бушмин

Прыжок леопарда

Предисловие:

Первая столетняя война, о которой до сих пор умалчивают историки, продолжалась. Это противоборство могущественных королей Англии и сильных духом, но ограниченных в средствах, королей Франции началось еще при покойном короле *Филиппе I Грешнике* и не прекращалось ни на мгновение, несмотря на кажущиеся мгновения мира и спокойствия, накрывавшие, словно волны на обе враждующие стороны.

Людовик VI Воитель – достойный сын и продолжатель дел своего родителя, казалось, одержал победу над своим соседом-соперником королем Англии Генрихом I Боклерком и мог спокойно сосредоточиться на внутренних проблемах, требовавших его неотложного внимания. Используя слова старинного *пророчества герцога Гильома Завоевателя*, верный соратник, министр и канцлер королевства *Сугерий* разрушил семью великого герцога, погубив его наследников. *Король Генрих Английский, лишенный законнорожденных сыновей*, все еще оплакивал горе, настигшее его семью. Нормандские и английские бароны затаились и выжидали момент его смерти, рассчитывая на послабление налогов и возможность возврата к старинным кутюмам, ведь

не за горами была смерть старого короля и анархия, которая наверняка всколыхнет королевство.

Но, это только казалось. «Леопард» и потомок великого Гильома не мог, вот так, запросто, сдаться и умереть, не попытавшись создать проблем французам – источникам его горестей, неудач, лишений и проблем...

Наступал тревожный 1027 год. Первая столетняя война длилась уже тридцать долгих лет...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГИЛЬОМ КЛИТОН.

ГЛАВА I.

Разговор с королем.

Лондон. Тауэр. 16 октября 1026г.

– Повелеваю, – устало ответил король Генрих, отмахиваясь рукой от собеседника, сидевшего напротив. Драгоценные камни перстней, коими были унижены пальцы монарха, искрясь, блеснули, поймав луч осеннего солнца, старавшегося пробиться сквозь толстые витражные стекла в небольшую квадратную комнатку башни Тауэра и осветить полумрак, царивший в ней. Камин нещадно дымил, и проку от него было мало. Генрих закутался в меховую накидку, пытается немного согреть замерзшие пальцы.

– Спасибо, сир. Клянусь, что вы не пожалеете. – Спокойным голосом ответил его собеседник – рыцарь средних лет, лицо которого покрывали морщины раздумий, переживаний и потрясений. Меховой плащ рыцаря валялся возле кресла,

прямо на пыльном сыром полу башни. – Нам просто необходимо это сделать, сир...

– Делай все, что пожелаешь, Гуго. Только, я надеюсь, нас не станут тыкать носом, словно щенят, наделавших кучу под столом хозяина?.. – Генрих нервно забарабанил пальцами о резной подлокотник кресла. – Не хватало мне еще, в довесок ко всем несчастьям, чтобы папа Римский гневался...

– Сир, вы можете не волноваться. Раз это удалось франкам, значит, сир, мы ничем не хуже наших *золотилилейных соседей*.

– Я уже все сказал, мессир де Биго. Вы можете быть свободны... – король зевнул, обнажая щербатый рот, и протянул руку для поцелуя.

Гуго де Биго, великий *коннетабль* Англии и Нормандии, граф Норфолк и Арундел, встал и, согнув одно колено, учтиво прикоснулся губами к ледяной руке короля. Пару лет назад он разменял пятый десяток, и казалось, добился в этом мире всего, о чем только может мечтать рыцарь. Один из могущественнейших сеньоров королевства, превзошедший богатствами и титулами своего отца, Гуго де Биго мог спокойно почивать на лаврах и заниматься мелкими интригами, склоками и прочими придворными забавами, но память о нескольких мрачных моментах жизни не давала возможности опустить руки.

– Вы не пожалеете, сир. Людовик и его поганые франки скоро забьются в бессильной злобе. Судьба, – он замялся,

кашлянул в кулак и продолжил. — Мы сами будем судьбой. Теперь, сир, пускай они хватаются за головы...

— С Богом, де Биго, с Богом... — король изобразил в воздухе нечто, отдаленно напоминавшее крестное благословление. — Ступай... — Гуго де Биго встал, поклонился, развернулся и пошел к дверям. Король вспомнил о чем-то важном, встал и произнес. — Гуго! Суммы будешь получать из казны под видом строительных работ для нужд обороны северных и уэльских границ королевства. На, возьми этот перстень... — он протянул коннетаблю массивное ювелирное изделие, на камне которого был грубо изображен след лапы хищной кошки. — Предъявишь его в Винчестере. — Удивленный взгляд де Биго заставил короля вздохнуть и покачать головой. — Не сомневайся. Шателен ознакомлен с моим тайным ордонансом и выдаст без лишних вопросов любую сумму. Кстати, не потеряй его! Это, пожалуй, самый могущественный пропуск в самые сокровенные места моего королевства...

— Благодарю вас, сир... — Гуго поклонился и принял тяжелый перстень. Он попытался надеть его на палец.

— Э-э, коннетабль, так нельзя... — засмеялся король. — Спрячь-ка лучше его за пазуху, или в кошель... — Коннетабль попытался изобразить удивление, но Генрих с издевкой в голосе добавил. — Я знаю, что говорю. Спрячь его в кошель. Не надо лишних глаз. Неровен час, кто-нибудь выкрадет его...

— Повинуюсь, ваше величество... — Гуго вздрогнул. Он не

ожидал, что король знает о многом таком, что он скрывал даже от своих слуг. «Надо будет прикинуть мозгами, кто бы это мог докладывать королю...» — подумал он, но вслух ответил. — Предосторожность, сир, превыше всего...

— Когда я услышу приятные новости с континента?.. — Генрих пристально взглянул ему в глаза. — Приятные новости...

— Полагаю, сир, что ближе к лету или осени... — уклончиво ответил де Биго. Он почувствовал, как его ладони взмокли от пота.

— Неуверенные слова, недопустимые слова для наших ушей...

— Сир, есть несколько наметок... — де Биго попытался выдать из себя что-нибудь, похожее на правду, но у него ничего не приходило на ум. — Могу заверить вас, сир, что удар будет нагл, огромен, скор и неожидан для Франции и ее короля...

— Это пустые слова. Пшик!.. — Генрих сурово нахмурил лоб.

— Обещаю вам, сир...

— Мне нужен хаос в какой-нибудь провинции Франции! К весне! Кровь, хаос, волнения! И желательно, чтобы эта провинция была подвассальна Людовику...

— Хорошо, ваше величество... — Гуго закивал головой, проклиная себя за поспешность беседы и собственную неподготовленность к ней. Он явно не ожидал от короля такой заинтересованности, напора, требовательности.

– Да, Гуго, еще одна деталь! – Генрих стукнул кулаком по резному подлокотнику своего кресла. – Эта провинция должна соседствовать с Нормандией. Где-то на юге или в Святой земле мне восстания не нужны. Пустая трата денег из казны...

Рыцарь молча поклонился и, скрывая едва заметную улыбку, покинул короля.

Жуткая задача и запутаннейшая головоломка родилась в стенах этой маленькой и полутемной комнатки Тауэра...

Вместо неторопливой подготовки группы агентов и неспешного выбора цели акции Гуго де Биго получил холодный ушат воды, вылитой на его голову королем, вместе с этой задачей...

Рыцари охраны, стоявшие на часах возле дверей комнаты, ужаснулись, взглянув в лицо вышедшего сеньора. Оно было белым, слишком бледным для живого человека, губы тряслись, бормоча то-то неразборчивое. Гуго опрометью пробежал по небольшому коридору и стрелой спустился по узкой винтовой лесенке башни, тускло освещаемой мерцающим светом факелов.

Выбежав во двор, Гуго быстро вскочил в седло и, поддав шпорами коня, поскакал к подъемному мосту. Оруженосец и рыцари эскорта явно не ожидали увидеть своего хозяина в таком состоянии и успели настигнуть его только за воротами Тауэра.

– Что-нибудь стряслось, мессир?.. – поравнявшись с ним,

спросил оруженосец. – Его величество отказал?..

– Нет, Жан, его величество дал свое монаршее согласие...
– де Биго стал потихоньку приходить в себя после беседы с королем. – Наоборот, король задал мне несколько конкретных вопросов и ткнул носом в мою неподготовленность...

– Да... – Жан сочувственно покачал головой.

Оставшуюся часть пути они проехали молча. Молча меняли коней, молча ели, толком не спали и не отдыхали. Гуго искоса поглядывал на оруженосца, который уже начал пугаться его косых и нервных взглядов в свою сторону.

Только после прибытия в замок Норфолка и промолчав трое суток пути, коннетабль произнес:

– Жан, спешно готовь трех наших умников-грамотеев...

– Это, мессир, тех трех молодых сеньоров, что были обучены грамоте и письму? – Переспросил его оруженосец.

– Да, а разве есть еще кто-нибудь? – Гуго начинал злиться.

– Нет, хозяин, больше никого нет... – пролепетал Жан.

– То-то и оно. Пусть они немедленно отправляются в Оксфорд. В местном аббатстве и монастыре есть прекрасная школа. Мне сказывали, что местные монахи – превосходные учителя, особенно в римском праве и феодальных кутюмах. Пусть поучатся и покопаются в архивах аббатства, может, чего и нароют...

ГЛАВА II.

The Royal Secret Service.

Покинув короля и окрыленный удачей, Гуго де Биго на-

правился в замок Винчестер, где хранилась главная казна королевства. Около тридцати *лье* разделяло Лондон от Винчестера, расположенного в юго-западной части Англии, но Гуго решил сделать большой крюк почти в тридцать лье и сначала направился в Оксфорд, где в тиши монастырских библиотек у него готовились три агента, специально отобранные им среди сотен младших сыновей мелких и средних рыцарских родов. Эта троица усиленно штудировала римское и королевское право, набивало оскомину в знании древних кутюмов, в общем и целом, эти люди должны были стать мозговым центром предстоящей тайной миссии.

Знание законов, юридических мелочей и тонкостей, как совершенно справедливо посчитал Гуго де Биго, могло послужить главным стержнем в претворении его старой мести Франции, ее королям и, прежде всего, его кровным, как он считал, врагам из семейства де Леви. Судьба уже сталкивала Гуго со своим противником – старым Годфруа де Леви и каждый раз, словно тому помогали неведомые силы, его враг-франк выходил если и не победителем, то уж точно не побежденным.

Один из внутренних голосов англичанина, который с годами несколько приутих, постоянно твердил ему, что его враг де Леви и есть источник всех бед, горестей и унижений. Но другой голос, видимо это была совесть или что-то ей подобное, громогласно заявлял, звенел в ушах, эхом отдавался в черепе, что именно благодаря франку судьба снова стала

благосклонной к некогда опальному роду.

Действительно, именно после загадочного визита юного франка карьера рода и самого Гуго-младшего резко пошла в гору. Рок, управлявший рукой Годфруа де Леви, убрал Гильома Рыжего, освобождая дорогу Генриху и возвращая де Биго все и даже больше того, чем его отец владел раньше.

Только вот одна мелочь: Гуго, почему-то, вбил себе в голову, что просто обязан погубить, растоптать и отомстить франку, попутно насолив его сюзерену – королю Франции. Боязнь разоблачения и предания гласности факта сговора при гибели короля Гильома Рыжего тяготила, грызла и точила нервы англичанина, прерывала его сон, лишала покоя и уравновешенности.

Мерзкая погода преследовала кортеж, несшийся к Оксфорду. Кони вышибали копытами большие комья промерзлой земли, а начавшаяся распутица и оттепель, превратившие извилистые лесные дороги Англии в одно сплошное чавкающее болото, обильно обливала всадников грязью с ног до головы. Несколько раз, меняя коней, Гуго замечал испуганные и пристальные взгляды местных жителей, жавшихся в полуразвалившиеся гнилые хижины и боявшихся показывать нос при виде вооруженных норманнов. Шестьдесят лет, прошедших с момента захвата этих земель Гильомом Завоевателем, все еще не искоренили страха перед пришельцами, а языковая пропасть, в сочетании с различием в обычаях и устоях, усугубляла разницу между захватчиками и покорен-

ным, но не сломленным, местным народом.

К исходу третьего дня этой бешеной скачки кортеж во главе с измученным, но не показывающим усталости, Гуго де Биго въехал в низкие стрельчатые ворота аббатства Оксфорда. Монахи, с опаской озираясь на грязных и вооруженных до зубов всадников, приняли изможденных коней и увели их в конюшни. Незваных гостей и их предводителя провели в большую и просторную трапезную с низкими сводчатыми потолками и огромным зевом камина, в котором, чадая и потрескивая, разгорались несколько огромных стволов деревьев, притащенных крепостными из соседнего села.

Аббат – еще не старый норманн, сохранивший гордую осанку воина, привыкшего носить тяжелую кольчугу, встретил Гуго де Биго и, изобразив на лице улыбку, протянул ему руку для целования.

Сановник королевства нехотя чмокнул мозолистую руку аббата и отметил про себя, что ее владелец, видимо, до сих пор предпочитает махать оружием, нежели кадилом и крестом, незаметно улыбнулся и произнес:

– Монсеньор, прошу прощения за столь поздний и неожиданный визит. – Он перехватил несколько настороженный взгляд аббата, пробежавший по его вооруженным людям, рассаживающимся возле камина. – Дела государя вынуждают меня забыть обо всем на свете и нестись, лишь бы исполнить повеление сюзерена...

Последние слова произвели впечатление на аббата. Он по-

клонился и, скрывая любопытство под маской равнодушия, спросил:

– Чем же может помочь скромный слуга церкви и его величества столь знатному и важному сеньору?..

– Молчанием, монсеньор, только молчанием. – Гуго взял аббата под руку и повел к выходу из трапезной. – Как там мои люди? Исправно ли учатся у ваших монахов? Читают ли документы?..

– Да, мессир. – Аббат подумал немного, после чего добавил. – Три ваших воина, на удивление, показывают такое прилежание, что, право, мне их надо ставить в пример большинству из моих людей... – Даже став аббатом, воин-норманн все еще продолжал называть монахов аббатства «людьми», словно они являлись его вассалами, а не братьями-монахами. Гуго кивнул в ответ. Аббат продолжил, увлекая рыцаря по узкой винтовой лестнице на второй этаж, где располагалась библиотека аббатства и монастырский архив. – Я, признаться, впервые увидел таких молодых дворян, которые бы с увлечением занимались юридическими и правовыми науками. Их тяга к латыни и спорам на различные предметы зачастую ставят в тупик наших мэтров, взявшихся за их обучение...

– Похвально, монсеньор. Его величеству будет приятно услышать, что его слуги, – Гуго в упор посмотрел на аббата, – в том числе и вы, достопочтенный прелат, так радеют и стараются...

– Я, право... – растерялся и немного возгордился аббат.

Гуго де Биго подошел к крепкой дубовой стрельчатой дверце, за которой располагалась библиотека и архив, поклонился и сказал:

– Не смею больше вас задерживать, монсеньор. Я сам поговорю с учениками. Государево дело...

Аббат поклонился и остался стоять возле двери, в которую вошел, наклонив голову высокий де Биго.

Три воина, одетые в монашеские одежды, сидели за столами, заваленными старинными книгами, свитками пергаментов и кучей бумаг, освещенные яркими и мерцающими отблесками свечей, в изобилии расставленных на столах.

Они вскочили со стульев и поклонились, едва Гуго переступил порог комнаты.

– Как успехи, друзья? Арнульф, надеюсь, вы нашли для меня что-нибудь интересное?..

Воины поклонились еще раз, после чего один из них ответил:

– Стараемся, мессир...

– Мне уже рассказал аббат. Вам еще неделя сроку, после чего покиньте аббатство и направляйтесь в замок Тамворс, где у нас с соизволения его величества будет основная база...

– Так значит, король дал согласие?! – вскрикнул один из учеников. Он тут же замолчал, столкнувшись с железным взглядом Гуго де Биго. – Простите, мессир...

– Жан, пора, наконец, научиться обуздывать свои эмо-

ции... – Гуго улыбнулся, слегка пожурив своего воина. – Ну, раскопали что-нибудь стоящее?..

– Да, мессир...

– Не медлите, у меня мало времени. – Гуго кивком головы приказал одному из учеников выйти за дверь и встать на охранение, опасаясь, что их разговор может быть подслушан.

– Так вот, мессир. – Жан стал нервничать и теревить руками свитки пергаментов. – Самый лучший объект для акции, как ни странно это будет звучать, – Фландрия...

– Фландрия?.. – Гуго был поражен столь неожиданным объектом. – Но, все воины графа Шарля Доброго верно служат Людовику...

– Вот именно, мессир, служили. – Поправил его Жан. – Теперешний граф, его светлость Шарль Добрый, стал проводить слишком жесткие действия против своих воинов. Он издал Ордонанс, запрещающий простым воинам носить оружие в мирное время, особенно это коснулось по стрелкам и наемникам, коими издревле славятся земли Фландрии, Эно и Брабанта.

– Так-так, продолжай... – Гуго присел на краешек стула.

– Старые графы, я имею в виду мессиров Робера II Иерусалимского, его сына Бодуэна и деда Робера Фриза каждый год выводили своих вассалов в какие-нибудь походы, чтобы те могли вволю пограбить, навоеваться и, как бы так выразиться, «выпустить из себя излишнюю дурь»! Теперь же, мессир, граф Шарль ведет мирный и спокойный образ жиз-

ни, что сильно «беспокоит» многих из его вассалов, лишенных привычных источников наживы...

– Но, мой друг Жан, убийство графа, все-таки, довольно серьезная акция...

– Так ведь, мессир, не мы же его станем убивать... – Жан придал лицу хитрое выражение. – Мы только поможем парой-тройкой фраз, туманных намеков и обещаний кому надо...

– Очень интересно, но, признаться, в это слабо верится...

– Самое главное, мессир, так это время не тянуть. Если, не приведи нас Господь, Шарль обзаведется потомством, тогда, мессир, все пропало...

– У него до сих пор нет детей?.. – Гуго удивился тому, что упустил эти сведения. – Почему?..

– Граф еще не женился, хотя, насколько нам известно, у него есть парочка бастардов...

– Они не будут включены в наследование... – резюмировал второй ученик, молчавший до сего момента, – папа Римский, вряд ли, позволит. Слишком уж скользкий момент. Хотя, мессир, если он сделает подобное и узаконит бастардов графа Шарля, это будет нам на руку. Его величество совершенно законно потребует признания своего маленького *сына-бастарда, растущего в глуши Нортумбрии*...

– Да, чуть не забыл. – Гуго хлопнул по столу. – Нам необходимо срочно усилить охрану мальчика. Те странные смерти сыновей короля до сих пор не дают мне покоя...

– Тогда, мессир, нам надо усилить и охрану его высочества...

– Это ты о ком, Арнульф?..

– О герцоге Робере Куртгёзе, мессир. – Спокойно ответил второй ученик. – Ведь именно он, прошу прощения, есть, был и остается самым наизаконнейшим наследником короны Эдуарда Исповедника. Он – старший сын покойного Гильома Завоевателя...

– Именно. Что-то я, признаться, совсем о нем позабыл... – Гуго встал и пошел к выходу. – Что-то я о нем совершенно позабыл...

Аббат был несказанно удивлен: его незваные гости, не успев толком просохнуть и поесть, покинули аббатство и, сменив лошадей на самых свежих и лучших коней его конюшни, унеслись в промозглую английскую ночь. На следующее утро он, как бы совершенно случайно, заглянул в библиотеку и вскользь спросил одного из учеников, куда это так спешно уехал мессир де Биго и его воины. Жан, это был он, поднял глаза и спокойно посмотрел на аббата, давая понять, что отвечать он не намерен. Священник помялся, пожал плечами, чувствуя неловкость, засуетился и покинул библиотеку, что-то проворчав о надобности осмотра прилегающей территории.

– Он становится излишне любопытным... – произнес Арнульф.

Два его товарища молча пожали плечами и снова углуби-

лись в изучение старинных рукописей, кутюмов и законов, в изобилии хранившихся в архивах аббатства...

Еще два дня понадобилось Гуго де Биго на то, чтобы, загнав нескольких коней, буквально влететь в замок Винчестера, ошеломив стражников и коменданта, потерявшего дар речи при виде специальной королевской печати Генриха Английского. Он трясся и, щуря подслеповатые глаза, так пристально рассматривал печать короля, протянутую ему Гуго де Биго, что, казалось, готов был провертеть в ней дырку. Наконец, кряхтя и сопя, он молча выслушал требование рыцаря, вынул из-за пазухи связку больших ключей от казематов, где хранилась казна короны, и, взяв в руки большой и чадающий смолистый факел, побрел в сопровождении гостя и пяти дюжих рыцарей охраны замка. Он долго возился со старым замком, наконец, после того, как Гуго уже начал терять терпение и самообладание, что-то ворча себе под нос, раскрыл каземат и впустил его внутрь.

Маленькая комната башни была буквально заставлена большими коваными сундуками, замки которых были залиты сургучными печатями. Гуго с удивлением насчитал двенадцать сундуков, каждый из которых, на его взгляд, смогли поднять и унести человек восемь очень крепких воинов. Он даже присвистнул от удивления, когда комендант сорвал печать и раскрыл один из сундуков, доверху наполненный золотыми монетами. Старик комендант стал неспешно отсчитывать сумму, озвученную ему рыцарем, несколько не уди-

вившись столь значимой сумме. Гуго нетерпеливо переминался с ноги на ногу, ожидая окончания отсчета денег. Комендант несколько раз пересчитал сумму, аккуратно сложил деньги в пять кожаных мешочков и протянул их рыцарю:

– Вот, мессир. Здесь вся сумма. Пересчитывать будете?..

– Нет, это излишне, мессир шателен... – Гуго быстро засунул мешочки в кожаную сумку, перекинутую через плечо. – Мне, к несчастью, надо срочно уезжать...

– Вот, так всегда... – проворчал старик-комендант, опечатавая сундук. – Все торопятся, всем надо куда-то спешить. А так, чтобы посидеть, выпить винца, поговорить о том, о сем, про житье-бытье... – он грустно вздохнул. – Сижу тут, как крот в норе, света белого не вижу, ничего не знаю, что творится на белом свете...

– Простите, мессир, я был бы рад, но, знаете, государево дело... – Гуго стало жаль старика, верой и правдой служившего королю Англии. – В следующий раз, клянусь, проведу с вами, мессир, два дня!..

– Спасибо, добрый сеньор... – грустно улыбнулся комендант. – Ловлю вас на слове...

Отряд покинул Винчестер, Гуго даже не дал воинам, как следует перекусить. Обратная дорога заняла четыре дня. Рыцарь уже не спешил, вернее сказать, не так сильно гнал коней, но когда они въехали в ворота замка Тамворс, его воины еле-еле слезли с коней и буквально на четвереньках вползли в казарму, где их ждал обильный и щедрый ужин. Но, как

это не смешно, ни один из рыцарей так и не притронулся к еде. Все разбрелись по комнатам и тут же заснули сном праведников.

Гуго заставил себя поесть через силу, он и сам валился с ног, но хотел продемонстрировать всем людям, что он очень силен, вынослив и этим, как ему казалось, еще больше укрепить свой авторитет...

Через три дня в замок приехали три ученика из аббатства Оксфорда, притащившие с собой на трех *ронкинах* уйму бумаг, пергаментов и документов. Гуго с довольным видом проследил выгрузку всего этого добра, отмечая, как его воины бережно и любовно относились к привезенным предметам.

Итак, первая боевая группа была собрана в замке Тамворс. Троица «*юрисперитусов*», как их любовно прозвал де Биго, присоединилась в пятерке боевых агентов, все это время занимавшихся специальной подготовкой. Они стреляли из саксонских коротких луков, учились точной и быстрой стрельбе из длинных валлийских луков, натягивали бараньи рога арбалетов, вслепую различали наконечники болтов, сразу же находя бронебойные или зажигательные стрелы. Постоянные тренировки с холодным оружием различных видов и типов, до кровавых мозолей, шишек, синяков и легких колотых или резаных ран, проводившиеся под присмотром Гуго и нескольких старых и проверенных рыцарей, изматывали воинов, прививая им автоматизм действий.

Копья, пики, крючья, *глейфы*, длинные саксонские секиры, мечи, топоры и кинжалы снились им по ночам, а утром они уже снова и снова тренировались им, доводя себя до изнеможения. Штурмовые лестницы и марши, крючья, веревки и прочие хитрости осадных дел доводились учителями до совершенства. И, довершала все эти мытарства конная подготовка, в том числе и стрельба из седла, а плавание в кольчугах и рукопашный бой без оружия, коим славились древние норманны, поначалу создали лекарям и костоправам столько работы, что Гуго де Биго испугался и, как-то вечером, после молебна, поделился своими опасениями с одним из старых рыцарей его покойного отца:

– Пьер, может, мы, того, немного переусердствовали? Неровен час, потеряем половину ребят, а?..

Старый воин и проверенный в деле рубака, воспитывавший самого Гуго с пеленок, скептически поморщился и, подумав немного, ответил:

– Нет, хозяин. Ничего с этими бездельниками не случится. – Он перехватил недоуменный и встревоженный взгляд рыцаря. – Добрые затрещины еще никому не вредили, а ума-разума им, я уверен, прибавят! – Он засмеялся, широко раскрыв свой щербатый рот. – Ей Богу, хозяин, прибавят!..

– Только я не пойму, Пьер, зачем ты их гоняешь в кольчугах по воде? Сейчас же холодно!.. – Гуго поежился, вспоминая мучения своих воинов.

– Норманны всегда жили бок о бок с морем, мессир. А

наши моря, как я помню, всегда были холодные! А наука, которую я преподавал нашим молодцам – вещь полезная! Мне сказывали сведущие люди, что сам покойный мессир Антуан де Сент-Омер таким вот образом готовил личную гвардию его величества Людовика Французского!

– А я, признаться, и не знал об этом... – поразился Гуго. Он с интересом посмотрел на старого рыцаря. – Слава мессира де Сент-Омера не угаснет еще долгое время...

– Царствие ему Небесное... – перекрестился Пьер. – Великий был, помнится, воин! Сам покойный граф *Робер Иерусалимский* высоко ценил мастерство и знания мессира Антуана, иначе не поручился бы за него перед Филиппом Грешником, когда тот подыскивал для юного сынишки наставника и учителя воинскому искусству...

– Да? Сам его светлость Робер поручался за него? Ничего себе... – Гуго от изумления раскрыл рот. – Славные были времена...

– Это верно, хозяин... – поддакнул ему воин. – Не то, что сейчас. Нравы падают, уважения к старикам нет, одни наемники и прочее отребье...

– Послушай, Пьер, а, случайно, мессир де Сент-Омер, ну тот, что вместе с великим командором Гуго де Пейном основали орден рыцарей Храма, не приходится ему родичем?..

– Как же, хозяин! Еще как приходится! Он его родной племянник...

– Великий человек... – грустно и уважительно покачал го-

ловой Гуго де Биго. — Сейчас таких рыцарей уже точно «днем с огнем» не найдешь...

— Так, хозяин, мне продолжать учить наших шалопаев?

— Да-да, конечно, учи! Вбивай им ум вместе с шишками и синяками. Не приведи их Господь, но он, этот самый опыт, им понадобится и спасет их...

Первая группа новой тайной службы его величества короля Англии и герцога Нормандии, если это можно так назвать и считать, родилась на свет именно в эти минуты разговора...

ГЛАВА III.

Шторм в Английском канале.

Дувр. Англия. 23 декабря 1126г.

Пузатый торговый неф, на *гrote* которого трепетал вымпел *Ганзы города Любек*, мирно покачивался возле причала Дувра, удерживаемый пеньковыми канатами, перекинутыми с бака и кормы судна к дубовым столбам, вбитым в берег. Узкий и шаткий мостик, переброшенный с причала, угрожающе колыхался, нагоняя на обывателей, торговцев и всех сухопутных душ благоговейный страх. Пассажиры, кто ползком, кто боком, кто с закрытыми глазами, медленно заходили на корабль, нисколько не смущаясь улыбок, смешков и шуточек, отправляемых в их адрес матросами нефа.

Капитан нефа уже принял доклады помощников о готовности к отплытию, но медлил, нервно посматривая в сторону города. Старый немецкий моряк терпеть не мог задержи-

ваться с отплытием, считая это плохой и дурной приметой. Как и все бывалые моряки, мэтр Ханс фон Керр свято верил в приметы, таскал с собой кучу амулетов, святых мощей и пергаментов, на которых услужливые (за умеренную плату) монахи написали несколько молитв на латыни. Рука Ханса машинально залезла за пазуху камзола и нащупала кожаный мешочек, едва орлиный взор капитана увидел группу людей, приближавшихся к причалу, возле которого покачивался его неф.

– Слава Господу, еще не пробили очередные *склянки*... – еле слышно прошептал он, разглядывая гостей. – Дурная примета, когда судно задерживает свой выход в море, а я слышу звон склянок не под плеск волн, а под удары борта о причал...

Капитан нахмурился и снова посмотрел на запаздывавших пассажиров. Всадник, ехавший несколько позади основной группы, был, несомненно, благородного происхождения: его длинные норманнские одежды нарочито небрежно (что показывало его богатство и знатность) развевались на ветру, забрызганные противной английской грязью, левшей из-под копыт коня. Богатая упряжь и попона гнедого жеребца-иноходца была усыпана золотыми пряжками и наклепками. Зоркие глаза старого морского волка быстро выхватили среди колыхания одежд рукояти меча и кинжала, буквально усыпанных драгоценными камнями.

«Однако, – решил капитан и почесал подбородок, зарос-

ший пятидневной щетиной, – видать, это важная птица, раз комендант порта так юлил, темнил и заикался, всячески отказываясь назвать причину столь странной задержки. Даже от простой платы отказался, отмахиваясь от мешочка с денье, словно черт от ладана. Да, как бы греха не было...»

Он украдкой перекрестился и коснулся пальцами мешочка с ладанками, шепча одними губами что-то себе под нос.

Запоздавшие пассажиры неуверенной походкой, крадучись, забирались на борт нефы, сразу же превращаясь в «сухопутных червей». Ханс украдкой покачал головой и усмехнулся, но его улыбка тут же исчезла, едва он столкнулся глазами с незнакомцем.

Всадник молча смотрел на него, но весь взгляд говорил о безграничной силе, власти и самоуверенности, приказывал, нет, просто толкал сломя голову бежать к нему. Ханс, сам того не понимая, проворно спустился по трапу и подбежал к всаднику.

– Ми ест счастлив видеть високородний сеньор рядом с мой неф... – коверкая франкский язык, произнес немец, склоняя голову в услужливом и раболепном поклоне. – Мой судно ест надежный и крепкий неф!

Незнакомец смерил капитана своим взглядом, скривился и, показав пальцем на крысу, бежавшую по канату на судно, произнес:

– И это, мэтр, вы называете надежным и крепким судном? Крысы буквально шныряют у нас под носом...

Ханс перехватил взгляд незнакомца, увидел большую серую крысу, поклонился и, широко улыбаясь, ответил:

– Благородный *херр риттер*, крыса ест символ надёжности и крепкости корабля! Не ест плёхо! Плёхо, очень плёхо, когда крыса изволит бежать с неф!

Резкий немецкий говор капитана забавлял и, одновременно, раздражал Гуго де Биго. Он вздохнул и едва слышно произнес, адресуя слова только ушам капитана:

– Сделайте так, чтобы никто не говорил с этими людьми до высадки в порту. Да, чуть не забыл одну мелочь! Они сойдут самыми последними, а лучше, мэтр Ханс, – капитан несказанно удивился тому факту, что высокородный сеньор знал его имя, – вы с какой-нибудь оказией высадите их на лодке ещё до входа в порт...

Ханс удивленно поднял брови, но незнакомец вынул из-под складок своих черных норманнских одежд большой кошель и бросил его капитану.

– Не изволить беспокоиться, херр риттер... – склонил голову Ханс, убирая кошель в карман куртки. Судя по его увесистости, кошель был полон монет. – Я сделаю так, как и просит ваш милост...

– Это не просьба, мэтр, – Гуго де Биго снова поморщился. – Это – приказ...

Ханс понял, что, видимо, что-то не так сказал знатному англичанину. Капитан испуганно вытаращил глаза и, перекрестившись, залепетал:

– Ваша милост, я ест очень плёхо говорит и ошибайт слова часто...

Гуго мило улыбнулся и, наклонившись в седле, добавил:

– Слава Господу, иначе, мэтр... – он добавил фразу красноречивым жестом ребра ладони по горлу. Ханс побледнел, но не испугался, его стал злить надменный и самодовольный вид англичанина, позволявшего себе излишнюю наглость говорить с ним подобным образом. Ноздри немца раздулись, но он сдержался, подумав:

«Худой мир лучше доброй ссоры...»

– Ваш приказ, херр риттер, я будет исполнят четко и быстро!..

– Ну вот, и, слава Богу, совсем другие слова... – холодно оскалил зубы Гуго, меряя уничтожающим взглядом немца.

Всадник развернул своего гнедого иноходца и спокойно поехал по причалу, направляясь в город. Ханс плюнул на мокрые камни пирса, растер ногой свой плевок, почесал за ухом и быстро поднялся на корабль. Взойдя на борт, он испуганно оглянулся, окидывая взглядом прибрежные строения, холмы и соседние суда, качающиеся возле пирсов.

«Показалось... – подумал, зябко поеживаясь, немец. – Словно кто-то наблюдал за мной. – Ханс снова перекрестился, дотронулся до ладанки, прошептал слова молитвы и трижды плюнул через левое плечо. Но какой-то странный, словно могильный, холод все еще не отпускал капитана. Он снова бегло осмотрел пейзаж. – Не приведи Господь, если это мор-

ской *вервольф* решил присмотреть мой неф для своей адской трапезы. Да и погода, – Ханс задрал голову и посмотрел на свинцовые тучи, медленно застилавшие горизонт, – как раз для его мерзких проделок, упаси нас всех Господи...»

Его мрачные мысли отвлекла суэта, крики и беготня, устроенная командой на палубе нефа. Ханс посмотрел и тут же улыбнулся: его помощник, и боцман уже командовали экипажем, крича во всю глотку. Матросы бегали словно угорелые, несведущим в морском деле людям могло показаться, что это странная и хаотичная суэта, но, присмотревшись, становилось все ясно – команда готовилась к отплытию: несколько матросов проворно подтягивали канаты, часть команды лезла на мачты ставить паруса, несколько человек отталкивали баграми борт нефа от пирса.

Корабль несколько неуклюже отошел от причала и, кренясь на левый борт, стал выходить из порта. *Латинские* паруса, установленные на *фок*е и *бушприте*, наполнялись ветром. Неф неуклюже разворачивался, сильно кренясь. Ханс приказал рулевому переложить руль и держать курс строго на юг, проскакивая вдоль побережья и направляя судно к просторам Английского канала. Ханс молча кивнул головой и еще раз оглянулся на берег: ему снова показалось, что он затылком поймал чей-то внимательный взгляд. Пусто. Люди на пирсе и кораблях, стоявших в порту, занимались своим делом и не обращали на него внимание. Хотя, если быть честным – он не ошибся, ощущая на себе взгляд...

Неприметного вида монах расположился за тюками с английской шерстью и, казалось, занимался сотворением молитвы какому-то из святых или мучеников. Маленький и худощавый, как могло показаться на первый взгляд, монашек — совсем еще юноша, тем не менее, внимательно наблюдал за всеми происходившими на пирсе и корабле событиями. Он медленно закончил свою молитву, встал, отряхнул подол сутаны и пошел к соседнему кораблю, покачивающемуся возле пирса. Монах быстро поднялся на борт (просто удивительно и невероятно при всем его несуразном виде), подошел к капитану и что-то тихо сказал тому на ухо. Капитан маленькой рыбачьей фелюги покраснел, побледнел, неуклюже и растерянно попытался поклониться, но монах быстро остановил его, прервал на полупоклоне. Капитан растерянно посмотрел на него, кивнул и пошел отдавать команды к отплытию.

Фелюга резко отчалила от пирса и, забирая ветер косыми парусами, последовала к выходу из акватории порта вслед за нефом. Оба судна покинули порт и, пройдя с десятков миль, разделились: неф пошел круче к северо-востоку, держа курс на Фландрию или порты империи, а фелюга стала опускаться к югу, где ее ждали берега Франции и Нормандии. С сильным креном на правый борт (ветер был северный) фелюга неслась к Франции, буквально пожирая морские мили, разделявшие берега Англии и Франции. Нефу повезло меньше, боковой ветер вынуждал Ханса то и дело перекладывать курс, двигаясь галсами. Свинцовые тучи полностью заволо-

ли небо, и вскоре начался мерзкий шторм. Ханс посмотрел на небо, перекрестился и прошептал:

– Все именно так, как я и думал. Быть беде... – он резко повернулся к боцману и скомандовал. – Паруса зарифить! Идем только на фоке и бушприте! Грот и *бизань* убрать к чертовой матери!..

Боцман развернулся и побежал по палубе, осыпая матросов грязными ругательствами, коими он обильно сдабривал команды капитана, придавая им большую живость и актуальность момента. Команда четко выполнила все приказы, но неповоротливый и пузатый неф все также болтало из стороны в сторону, подкидывая и креня на волнах, высота которых увеличивалась с каждой минутой. Словно легкая скорлупка, огромный и неуклюжий корабль взлетел на волнах, зарывался носом в пенистые барашки, захлестывавшие палубу судна.

Ханс встал возле рулевого и улыбнулся ему. Молодой рыжеволосый моряк, на лице которого только начинала расти некое подобие бороды, испуганно посмотрел на него расширенными глазами, сиявшими, словно два больших синих сапфира на бледном лице.

– Капитан, нас не поглотит океан?.. – на голландском наречии спросил он.

Капитан похлопал его по плечу и ответил:

– Хрен ему на воротник и кукиш с маслом в горло! Сынок, это еще цветочки! А, судя по всему, ягодки мы так и не

увидим! Погода-то, не та!.. – Он указал на небольшие про-светы, появлявшиеся среди свинцовых облаков. – **Клабау-перман** не сможет полакомиться сегодня нашими телами! Ха-ха-ха!.. – смело и громко рассмеялся Ханс. Рулевой побледнел еще больше, услышав из уст капитана имя грозного морского губителя кораблей и душ моряков, но немного приободрился, выдавив из себя слабую пародию на улыбку. – Не дрейфь, сынок! Прорвемся! Какие наши годы!.. – Ханс сложил руки рупором и крикнул боцману. – Зарифить фок! Идем на бушприте!..

Боцман, казалось, мирно дремал, ухватившись за основание мачты, но, услышав громкий голос капитана, резко пробудился и снова обогатил приказ массой грязных и удивительнейших для языка ругательств. Матросы забежали, словно тараканы на сковороде, проворно убрали фок на мачте и стали привязываться веревками к бортам нефа.

Резкий порыв шквалистого ветра, казалось, должен был погубить неф, перевернув его на бок. Огромная волна накрыла палубу, смывая бочки и прочие плохо закрепленные предметы в море. Шторм, не желая уходить без поживы, слизывал все, что только мог утащить. Несколько матросов смыло за борт, но им никто и ничем не мог помочь. Такова судьба моряков. Неф, словно детская игрушка «**Жан-торчок**», резко выпрямился. Вода, зачерпнутая судном, с шумом и грохотом стала сливаться через отверстия в бортах.

Ханс нахмурился но, присмотревшись, удовлетворенно

кивнул головой – поломок, способных погубить неф, к счастью, пока еще не было. Судно держалось, сопротивляясь стихии, и продолжало двигаться урывками, напоминая огромного и неуклюжего вепря, обложенного охотниками. Волны, словно злые собаки, набрасывались на неф, заставляя трещать и стонать судно. Новый, более мощный шквал накрыл неф, захлестнул палубу. Раздался страшный скрежет, треск и крики.

Ханс раскрыл глаза и, отплевываясь соленой морской водой, вздрогнул: грот судна был сломан, вырван с корнем, оставив в палубе зияющую дыру с рваными краями обломанных досок. Фок-мачта, переломленная чуть выше палубы, удерживалась канатами и, истошно воя, с треском билась о борт, разнося его в щепки.

– Полундра! Рубите канаты! Освобождайте палубу от фок-мачты!..– заревел Ханс.

Боцман и пять матросов бросились обрубить канаты и, после страшных и невероятных усилий, спасли израненное судно от верной смерти, но заплатили свою дань разъяренной стихии: боцман и два матроса были смыты за борт.

Неф, неуклюже двигаясь, черпал воду. Ханс, понимая, что судно начинает принимать много забортной воды, приказал оставшейся команде и пассажирам:

– Откачивать забортную воду! Не ленитесь, черти полосатые! Иначе нам всем придется пойти на корм рыбам!..

Пассажиры и оставшиеся члены экипажа, не щадя сил,

бросились в трюм спасать корабль. Наступил момент истины: люди в изнеможении вычерпывали воду, откачивая огромные массы, которые сплошным и непрерывным водопадом обрушивались на их головы, пытаясь спасти себя, свои грешные жизни и несчастный корабль. С мольбами к Богу, проклятиями, воплями, стонами и богохульствами они боролись за живучесть хрупкой деревянной посуды. Небо, наконец, сжалилось над несчастными и приказало шторму затихать. Робкое весеннее солнце стало проглядывать из-за туч, появляясь в просветах голубого неба, разрывавшего серую пелену туч. Шторм уходил на запад и север, отпуская полузатопленный неф из своих объятий...

– Ну, обормот, что я тебе говорил?! – Выдохнул из себя Ханс, похлопывая полуживого рулевого. – Рановато нам еще на дно, понял?.. – Рулевой, трясаясь от холодной воды и страха, судорожно и часто закивал головой в ответ. Капитан отошел от штурвала и крикнул оставшимся матросам, добавляя в команду ругательства. – Эй, мать вашу перетак, чините бушприт и ставьте бизань! Поплетемся, как косоногие!..

Матросы весело засмеялись, емкое сравнение, сказанное их капитаном, и уверенность в его голосе вселила в них спокойствие за свой завтрашний день. Паруса были поставлены, носовой парус быстро починили. Неф рыскал из стороны в сторону, неуклюже покачиваясь на волнах, напоминая разломанный бочонок, выброшенный кем-то за борт, но упрямо двигался к спасительному берегу. Течи не было, а с прекра-

щением шторма вода, до этого момента заливавшая корабль, перестала поступать в трюм, но и того, что судно успело схватить за недолгие часы буйства стихии, было достаточно, чтобы погубить корабль, если бы непогода продолжалась еще пару часов.

С глубокой осадкой и кренясь на левый борт судно, шло к спасению, пассажиры и экипаж несчастного корабля увидели, наконец-то, долгожданный берег континента. Едва заметной полоской, чуть различимый среди волн и тумана, спасительный берег вырастал, заполняя собой весь юг и юго-восток горизонта. Стали вырисовываться холмы и возвышенности, коими изобиловали берега Булони, Понтьё и Монтрей-сюр-Мер.

Ханс нервно закашлялся, увидев знакомые очертания берегов. Он несколько раз испуганно осмотрел небо, проверяя, не ошибся ли он в своих прогнозах относительно окончания внезапного шторма и успокоился: тучи разбегались и отступали к северу и северо-западу, готовясь обрушить волны дождей на Англию и Шотландию. Юг и восток были чисты, и ничто уже не могло помешать разбитому, но не сдавшемуся кораблю добраться до ближайшего порта. О том, чтобы добраться до Фландрии не могло быть и речи: неф так сильно пострадал от шторма, что вот-вот мог затонуть, если, не приведи Господь, снова поднимется сильный ветер и начнется болтанка. Некогда высокие борта корабля сейчас возвышались над водой всего чуть больше *туаза*, да и то с натяжкой.

Пассажиры и команда, забыв обо всех кошмарах, выпавших на их короткое путешествие от берегов Англии, высыпали на палубу и старались согреться под слабыми лучами солнца. Находиться на воздухе и обдуваться ветром куда лучше, чем мокнуть в трюме, стоя по горло в холодной морской воде.

Капитан с грустью осмотрел корабль и, присев среди обломков кормовой надстройки, тяжело вздохнул. Повреждения, которые успел получить его старый и верный корабль, были велики, а запасов, накопленных за годы удачных плаваний, едва могло хватить только на половину ремонта. Судно, как старый ветеран, надо было бросать, попытавшись продать какому-нибудь торговцу из фламандской Ганзы.

«Уж эти-то, наверняка, отремонтируют его и дожмут последние соки из старушки... – Ханс погладил мокрые перила надстройки. Пальцы нежно гладили старую древесину, местами изъеденную червями-древоточцами. Он помнил, как строился неф, а он, еще молодой шкипер, влюбился в пузатую посудину с первого взгляда. То, что это была именно любовь, Ханс не сомневался. Неф любил своего хозяина, напоминая верную, но немного сварливую жену, но, тем не менее, верностью и преданностью, если эти слова можно отнести к кораблю, привязал сердце старого морского волка к себе. Ханс так и не женился, не обзавелся семьей и детьми. Корабль стал для него всем, кем и чем только мог стать: домом, очагом, садом, отдушиной, бальзамом на душу. Даже

характер у корабля был: неф на дух не переносил женщин и выкидывал такие штуки, что суеверный Ханс частенько хватался за ладанки, истово молился и начинал тайно верить в одушевленность своего корабля. Ни с того ни с сего, могла появиться течь в обшивке, или корабль начинал заваливаться на бок, угрожающе кренясь и постанывая. Но, стоило женщине сойти на берег или, на худой конец, пересест в лодку, стоны и течь прекращались, неф выравнивался и, как ни в чем не бывало, начинал весело хлопать парусами, словно радуясь уходу незваной соперницы.

Капитан частенько перекидывался словечками с бывалыми моряками, сидя за кружкой вина в какой-нибудь портовой таверне и окончательно поверил в наличие души и собственного характера у корабля. Женского характера. Он долго выбирал имя для нефа – корабль сам подсказывал ему, подходит это имя ему или нет. После долгих поисков, Ханс, наконец-то, подобрал достойное имя для своей посудины. Он назвал корабль «Магда». Кораблю понравилось название: неф успокоился и стал, как казалось Хансу, менее норовистым и даже более скоростным, о чем он поделился с товарищами-капитанами и нарвался на громкий смех и некоторое подобие молчаливого согласия, ведь многие из его друзей или недругов уже сталкивались с подобным и необъяснимым феноменом. Тем не менее, Ханс стал спокойнее, рассудительнее и хладнокровнее, он всерьез полагался на свою посудину, доверяя ей себя и вверяя в ее трюм людей и гру-

зы. Он брался за самые рискованные заказы: плавал к берегам далекой Норвегии и Швеции, торговал с голубоглазыми, светловолосыми и широкоскулыми славянами Новгорода, привозил оттуда меха соболя, песца и горностая, видел огромные белые льдины и удивительных медведей ослепительно белого цвета, плававших среди этого фантастического холода и ледяного безмолвия. Самые страшные шторма перестали пугать моряка, лишь вызывали кривую усмешку, да пару презрительных плевков. Но, годы властны над всем, в том числе и кораблями. «Магда» стала стареть, дряхлеть, все чаще и чаще показывая свой уже порядком позабытый характер, а крены, скрипы и стоны, издававшиеся кораблем, становились все чаще и напоминали вздохи и причитания старого и больного существа, уставшего от трудной, нудной и однообразной серости жизни.

Но расстаться с кораблем старый моряк не мог, не было сил, вот так, взять, да и решиться. Ханс понимал, нет, он отказывался верить в возможность разлуки. Вся его жизнь, прошедшая на нефти, летела в тартарары, оставляя за собой зияющую пустоту, заполнить которую было нечем, некогда, да и незачем.

Капитан сидел, понуро потупи голову. Его губы шептали что-то. Ветер теребил его просыхающие волосы, забирался за ворот куртки, но он не обращал внимания, сосредоточившись лишь на раздумьях.

– Хозяин, – осторожно произнес один из матросов, – вас

разыскивают два пассажира...

Ханс поднял голову и отсутствующим взглядом посмотрел куда-то сквозь моряка, его губы машинально ответили:
– Чего меня искать. Я всегда на корабле. Зови их...

Подшли два незнакомца из числа восьми пассажиров, взятых им на борт в самый последний момент перед отплытием. Высокие, крепкие и широкоплечие, они молча подошли к нему и сказали. Вернее, заговорил только один из них, тот, что был, скорее всего, старшим в этой группе:

– Мэтр Ханс. Вы должны высадить нас только во Фландрии, да и то, стараясь не заходить в порт...

Капитан посмотрел на него, ухмыльнулся и, кивая головой на разбитый и полузатопленный неф, ответил:

– Майн херр, если би я и мой неф мочь доплыть до Фландрия... – красноречивый жест рукой довершил сказанную фразу.

– Но, таковы условия договора!..

– Майн херр, я есть пофторять вам, что неф имеет сильный затопление и тонуть, если начаться новый шторм. Мы будем плить, сколько ест сил и возможность до Фландрия, но, майн готт, если я увидить другой корабль или ближний порт, я заходить туда для висадки пассажир и спасение груз шерсть! Болше ничем не ест могу помощь...

Незнакомец возмутился, но, увидев спокойный и, как ему показалось, отрешенный взгляд капитана, умолк, развернулся и пошел к своим людям, сидевшим на месте разрушенной

штормом носовой надстройки нефа.

– Все только требовать и учить жизн... – коверкая слова, проворчал Ханс.

Только ближе к вечеру разбитый и полуживой корабль смог дотащиться, иного слова и не подходило для описания страданий судна, до порта Булони – графства, соседнего с Нормандией и Фландрией.

Счастливые пассажиры гурьбой сошли, даже сбежали, на берег, оставив команду, корабль и капитана у разбитого корыта: английская шерсть вся промокла, и теперь стоила сущие гроши, а сушить ее в такую погоду просто не было смысла, и было бы пустой тратой денег.

Корабль погибал, выполнив свою главную задачу. Он спас то, что можно было спасти. Он доставил на спасительный берег людей, для которых судьба приготовила совершенно иную смерть, нежели гибель во время шторма. Восьмерка пассажиров, которых препроводил на неф Гуго де Биго, растворилась в городском шуме, не избежав, правда, дотошного контроля со стороны служб графства.

Ханс отрешенно сидел на большом камне причала рядом со своим нефом, вытащенным на берег для ремонта или продажи – он еще не решил, как поступать с частью своей жизни и мучился в тягостных раздумьях, когда к нему подошел высокий и широкоплечий незнакомец, одетый в купеческий костюм. На голове его был черный чепец с вышитым знаком Ганзы Пяти Портов Англии. Единственным предметом, ко-

торый выдавал в нем значительность его должности и положения в торговой иерархии, был богато инкрустированный кинжал в узорчатых ножнах, едва показывающий свою рукоять из-под черных просторных одежд.

– Мэтр Ханс... – осторожным, но уверенным голосом, произнес он, приблизившись к старому капитану.

Капитан поднял голову и посмотрел на него:

– Да, ви не ошибаться...

– У меня к вам дело, мэтр. – Незнакомец пристально посмотрел в глаза немцу. Тот резко вскочил на ноги, испуганно и рассеянно стал поправлять свои одежды, но гость крепко взял его за руку и сказал. – Успокойтесь. С таможенными сборами у вас все в порядке. У меня есть приятная новость, мэтр Ханс. – Он поймал удивленный взгляд капитана. – Да-да, очень приятная новость. Я решил купить у вас весь груз шерсти по средней цене, установленной на день открытия ярмарки в Брюгге.

– Ми хотите сказать, что покупайт мой мокрый шерсть?..

– Да. И, мэтр, сверх этого, мне поручено вручить вам вот это... – он протянул капитану увесистый кожаный мешочек. – Ваш английский наниматель все предусмотрел...

– О небо... – выдохнул удивленный немец, принимая кошель, – я спасен...

– Да, мэтр. Вы спасены и, поверьте мне, обеспечены работой на долгие годы. Я уже уточнил у сведущих в морском деле людей, какой ужасный шторм вы и ваше судно выдержали.

Большинство из них прямо признали, что они и их суда погибли бы, но я узнал также и то, что на всем побережье едва ли найдутся два или три капитана, способные сравниться с вами в умении управлять судном в шторм или ураган.

– Это ест большой честь для мой уши... – пролепетал растроганный немец.

– Значит ли это, мэтр Ханс, что вы даете согласие на продолжение сотрудничества?

– О да, да, я давать согласие!..

– Великолепно! Тогда, мэтр, вам месяц сроку на восстановление и ремонт нефа, после чего вы должны прибыть в Англию, в Ромни, где подойдете к коменданту порта и покажете ему вот это... – незнакомец протянул серебряный медальон, на котором был грубо изображен леопард, изготовившийся к прыжку. – Только и всего...

– Яволь, майн херр! – Бодрым голосом ответил капитан и склонил голову в поклоне.

– До скорой встречи, мэтр... – незнакомец развернулся и уверенной походкой направился в город. Но, отойдя буквально несколько шагов, он обернулся и добавил. – И, одна маленькая просьба, мэтр: о нашей беседе и встрече, равно как и том, что у вас теперь будет постоянная и высокооплачиваемая работа, никому ни слова...

– Яволь... – машинально ответил капитан. – Могила...

– Емкое сравнение... – подвел итог разговора незнакомец, развернулся и покинул капитана.

Ханс тупо уставился на кошель с деньгами, перевел взгляд на неф, улыбнулся и когда снова посмотрел на пристань, незнакомца уже и след простыл – он растворился в сутолоке и толчее порта.

Когда Ханс, спустя пару часов, явился с довольным видом в ремонтные доки и протянул полную горсть золотых монет, главный артельщик молча пожал плечами и, ослепленный блеском золота, согласился восстановить и реконструировать корабль за три недели. Он даже не поинтересовался, зачем это старику-немцу так возиться со старой посудиною, ведь он мог купить, правда, чуть дороже, более свежий корабль...

Секретная служба его величества короля Англии и герцога Нормандии получила проверенного моряка и надежное судно для своих акций на континенте. Скоро Франции придется ощутить эти молодые когти и клыки, почувствовать на собственной шкуре болезненные укусы тайной войны, ощутить беспомощность, растерянность и неспособность адекватно оценить обстановку и защитить себя, свои интересы и земли от хаоса и анархии...

ГЛАВА IV.

Две беседы.

Булонь. 24 декабря 1026 года.

Восемь англичан сошли на берег вместе с толпой промокших и измученных штормом пассажиров нефа. Часы тяжких испытаний, выпавших на их долю, когда страх перед смер-

тью и инстинкт сохранения жизни возобладал над всем, так измочалили их, что на какое-то время они притупили бдительность и, наплевав на инструкции, запрещавшие им собираться вместе, расселись прямо на влажных от дождей и морской влаги бревнах, сложенных штабелями возле пирса и, подставив лица робкому солнышку, стали отогреваться и приходить в себя.

Вместе с успокоением, сменившим страх и напряжение, их тела охватывала мелкая дрожь, бороться с которой просто невозможно. Они сидели, понуро опустив головы и отдавшись этим минутам нервного резонанса, позволявшего им снова почувствовать каждую клеточку своих тел, а каждой клетке тела снова осознать то, что она жива и способна бороться и дальше за жизнь.

– Все... – произнес дрожащими губами Арнульф, – нам пора...

Он окинул взглядом товарищей, пробегая по их посеребрившим лицам, грустно улыбнулся и встал. Его руки, чтобы скрыть дрожь, стали машинально расправлять складки промокшей и перепачканной одежды. Вместе с ним встали два воина, входившие в группу физического прикрытия, подняли узлы с вещами и, забросив их за свои широкие спины, произнесли:

– Мы готовы, Арнульф. – Они постарались весело посмотреть на оставшихся товарищей, но гнетущая атмосфера прошедшего шторма и кошмара, своим ужасным уроком пре-

подавшего им трудно передаваемое ощущение простого счастья жизни, не позволяла, вот так, резко, изменить тоскливое состояние на веселье и безудержную радость. – Пока, ребята...

Пять человек, сидевших на пирсе, разом вскинули головы и молча покачали головами – сил, чтобы произнести что-нибудь в ответ у них не было.

Арнульф махнул рукой, увлекая за собой двух воинов, и, развернувшись к пирсу спиной, пошел по мокрым каменным плитам порта по направлению к городу. Два воина машинально расположились справа и слева и последовали за ним. Весенний туман скрыл их в своей молочной пелене...

Пятерка воинов, посидев еще около часа, разбилась на две группы и, сухо попрощавшись друг с другом, покинула пирс Булони и, смешавшись с толпой торговцев, наемников и зевак, растворилась в кишачем и кричащем портовом и торговом центре Франции.

Париж. Королевский дворец. Остров Сите. 27 декабря 1026 года.

Сугерий тихо постучал в дверь опочивальни короля. Выждав пару минут и услышав скрипы постели, он раскрыл дверь и вошел к Людовику.

– Доброго вам утра, сир... – низко склонив лысеющую голову, произнес советник.

Людовик накинул на располневшее тело вышитый лилиями халат и, сев в кресло, стоявшее неподалеку от постели, за-

крытой тяжелым балдахином, недовольным тоном ответил:

– Когда ты, вот так, рано будишь меня стуком в дверь и словами, сулящими мне доброту, я знаю, что ты несешь мне неприятности... – он указал рукой на стул рядом с ним, – давай-ка, садись...

Сугерий тяжело вздохнул, виновато пожал плечами и проворно сел на предложенное ему место. Людовик зевнул, протер сонные глаза, потянулся, хрустя затекшими косточками, уставился на советника.

– Прибыл наш человек из Англии... – отрешенным и, казалось, равнодушным голосом, начал советник. Король всегда поражался его выдержке и каменному спокойствию, с которым Сугерий излагал самые важные, ответственные или страшные известия. – Генрих создал-таки свою тайную службу...

Король оживился: его глаза, еще недавно сонные и безучастные, загорелись искрами сознания, лицо порозовело и разгладилось. Он подался вперед своим крупным телом и, посмотрев на Сугерия, произнес:

– Ты уверен?

– Да, сир. Это проверенные сведения. – Советник раскрыл кожаную папку, которую он сжимал в руке, опустил голову и стал монотонно читать. – Наш человек свидетельствовал, что в январе состоялась тайная и закрытая беседа мессира Гуго де Биго и короля Генриха. Дело было в Тауэре. Суть ее неизвестен, но после беседы мессир де Биго спешно убыл из

Лондона к себе в Норфолк, отправил трех людей в Оксфорд и, отобрав группу воинов, стал тренировать их на манер мессира Антуана...

— Гонять в кольчугах по рвам и заливать по стенам?.. — Брови короля взлетели вверх.

— Именно, ваше величество. А еще, сир, стрелять, управляться с копьями, мечами и прочими железяками... — монашеская сущность советника протестовала против насилия, он не скрывал этого, но, как глава тайной службы был вынужден смириться с необходимостью насилия, крови и, это было самым неприятным для Сугерия, *отдавать приказы на проведение той или иной кровавой акции...*

— Дальше... — король откинулся на спинку кресла и, подперев лицо с сильно выступавшим двойным подбородком, прикрыл глаза.

— Три человека около месяца копались в архивах аббатства, погрузившись в изучение законов, кутюмов и римского права, после чего, за ними прискакал сам де Биго и увез, о чем-то переговорив, уехал в Винчестер...

— Там казна Генриха... — глухо произнес Людовик.

— Именно, сир. — Сугерий вскинул голову и убедился, что король заинтересовался рассказом. — Он спешно получил крупную сумму золотом, преимущественно в германских и французских монетах. Три ученика убыли в Тамворс спустя неделю...

— Это все?..

– Нет, сир. Наш агент видел их в порту Дувра вместе с мессиром де Биго. Они со всевозможными предосторожностями сели на наемный неф «Магда», коим владеет мэтр Ханс фон...

– Мне неинтересна его фамилия. – Прервал его король, нервно барабанив пальцами по подлокотникам кресла. – Немец состоит в Ганзе? Если да – то, какого города?..

– Уточняем, сир. Они вышли в шторм, что само по себе опасно... – Сугерий виновато посмотрел на короля. – Наш человек вышел за ними следом на фелюге, но через десять-двенадцать миль неф забрал круче к востоку, держа курс на Фландрию или Понтьё. Он шел прямо на шторм. Мой агент решил не рисковать...

– Мы уже осторожничаем!.. – Людовик гневно перебил Сугерия. – Мы начинаем осторожничать!..

– Простите, сир, но, иначе... – Сугерий растерялся.

– Что? Что?

– Иначе, сир, мы не получили бы никаких сведений. – Более спокойным голосом ответил советник. Он взял себя в руки и, неотрывно глядя в глаза короля, добавил. – Мы знаем их в лица, я имею в виду троицу, значит, сир, мы сможем разыскать их везде...

– Ищите! И, Сугерий, узнайте, догадайтесь – для чего они прибыли к нам...

– Будет исполнено, ваше величество...

– Ступай. – Сугерий встал, поклонился и пошел к выходу

из опочивальни, но король остановил его. – *Как там моя дочь Изабелла?*

– Ой, простите, сир. – Сугерий покраснел. – Мадам Изабелла изволила разродиться три дня назад. Прекрасный мальчик, сир. Поздравляю!..

– Шомон доволен?.. – Людовик пристально посмотрел на советника.

– Что вы, сир! Он буквально на седьмом небе от счастья! Объявил большой турнир в Вексене...

– Передай моей дочери и мессиру де Шомон поздравления, пошли им подарки, только, прошу тебя, не строй из меня *Креза* и не жмись! Выбери ткани для дочки, десяток декстриеров для Шомона, да что-нибудь из золота для малыша...

– Его собираются назвать в честь деда, сир... – Сугерий решил посмотреть на реакцию Людовика.

Король удивленно посмотрел на него, почесал затылок:

– А не чудят ли они, случаем?..

– Что вы, сир. Имя Ангерран, я полагаю, не вызовет кривотолков...

– А-а-а... – Людовик довольно покачал головой. – Мой верный и храбрый Ангерран. – Король вздохнул и перекрестился. – Царствие тебе Небесное, мой верный и храбрый паладин...

– Вовеки веков... – Сугерий перекрестился.

– После Бремюля у меня толком не осталось надежных и верных людей... – Людовик загрустил. – Даже Годфруа стал

монахом...

– Он уже епископ, ваше величество... – советник поправил короля. – Монсеньор Годфруа де Леви рукоположен в сан епископа Шартра...

– Когда? Что-то я, признаться, совсем одряхлел... – Людовик растерянно посмотрел по сторонам, потом, оживившись, посмотрел на него. – Почему я не знал об этом! Почему епископ не прибыл для принесения оммажа и принятия инвеституры?..

– Сир, не расстраивайтесь...

– Кто? Я? – начал злиться Людовик. – Почему стали нарушаться правила, установленные королями франков?!

– Нет, сир. Они не нарушаются. Епископ уже выехал в Париж. Он, полагаю, должен уже прибыть в Париж. Значит, сир, сегодня он предстанет пред вами...

– Другое дело... – проворчал Людовик, но уже довольным тоном. – Пора мне умыться и облачаться для такого важного события. Шартр подпадает под скипетр Капета...

– Не совсем, сир. Графы из Блуа-Шампанского дома все еще владеют им по праву сюзеренов... – поправил короля Сугерий. – А, учитывая их родство с Генрихом Английским, сир...

– Знаю, знаю, не дурак. Мне уже надоела эта вялотекущая война, которую Тибо и его братец Стефан ведут со мной. Ума не приложу, что делать...

– Ничего, сир. Ничего не надо делать. Теперь, когда у нас в

руках кафедры и диоцез Шартра, монсеньор епископ склонит графов к повиновению, примирению и верности...

– Каким же, скажи мне, манером он это сделает?.. – король с удивлением посмотрел на Сугерия. – Не наложит ли он, случаем, интердикт на земли графов? Он, что, папа Римский?!..

– Нет, сир. Он – не папа Римский. Епископ – верный человек, хотя и сложил мирской оммаж, передав его вам в руки. А вот его сын, молодой Филипп де Леви, кстати, сир, весьма смысленный юноша, верен короне и предан мне...

– Излагай... – король устало махнул рукой.

– Молодой Филипп был у меня под присмотром и, можно сказать, я его воспитывал, не считая, конечно, того, что приложил к нему мессир Антуан де Сент-Омер. Парню вполне можно вручить лен отца и, при случае, доверить очень важные и деликатные миссии. Что касается графов Тибо и Стефана... – Сугерий на минуту задумался, нахмурил лоб и произнес. – Нам надобно вбить им в мозги, что именно они, а никто другой, имеют полное право на наследство бездетного Генриха...

– ?!

– Да-да, сир. Именно они, а не дочь Матильда – вдова императора Генриха Немецкого...

– Уже интересно, Сугерий... – король сделал жест рукой, приказывая ему присесть. – Ты полагаешь, что нормандские бароны нарушат волю короля Генриха?..

– Именно, ваше величество. Женщину не допустят к престолу Гильома Завоевателя... – Сугерий сел и, придав своему непроницаемому лицу хитрое выражение, продолжил. – А вот графы де Блуа по своей матушке Адели – дочери Завоевателя и сестре королей, могут с полным правом претендовать на корону...

– Гм.. – Людовик задумался. – Не мели чушь! Полнейшее право, на правах старшинства в роде, имеет герцог Робер или его дети!..

– Сир, вы правы, но, не совсем... – осторожно поправил его советник. – Герцог заточен в Тауэре, а его сын Гильом Клитон после женитьбы на сестре вашей супруги стал для англичан просто невыносим! Он теперь «офранцузился», как они выражаются...

– Ну и что! Зато он – прямой наследник короны! Даже папа Римский не сможет выдавить из себя ничего против его воцарения! А мы вручим ему «*вексиллум*» – пусть воюет Англию! Поможем ему людьми, да деньжатами под залог Нормандии...

– Слабовато, сир... – Сугерий прокашлялся, давая понять королю, что его версия скоропалительна в выводах. – Вексиллум вручает, простите, только его святейшество папа Римский, а не король...

– Значит, ты сделаешь так, что папа вручит этот треклятый вексиллум! – Людовик сильно стукнул кулаком по креслу. – Это – не моя забота, Сугерий...

– Конечно, сир. Я сделаю все, что вы пожелаете...

– Совсем другое дело! Значит, мы ставим на Робера Курт-гёза или Гильома Клитона?..

– И да, сир, и нет... – Сугерий своей настырностью стал раздражать монарха. – Мы будем иметь их в виду, но, для начала, примиримся с графами де Блуа-Шампань и осторожно вольем в их уши сладостную отраву...

– ?!

– Право на корону Англии, сир... – Сугерий хитро улыбнулся, обнажив редешные зубы. – Пусть Англия, будьте покойны, погрузится в хаос анархии и гражданской войны. Пусть местные бароны воюют друг с другом, а не с нами! У нас, слава Богу, еще много нерешенных дел в домине и провинциях...

– А-а-а! Я понял! – Людовик хлопнул себя по лбу. – Англия ослабнет, казна опустеет, а когда Гильом или Робер вступят на трон, у них не будет денег, чтобы расплатиться со мной за услуги и поддержку...

– Всякое может быть, сир... – уклончиво ответил советник. – Как Бог даст...

– Опять?!

– Я имел в виду, ваше величество, что герцога Робера еще надо вытащить из крепко охраняемого узилища... – Сугерий уверенно посмотрел на короля. – Его стерегут, как зеницу ока, тогда как графы де Блуа у нас буквально под боком, бери – не хочу...

Людовик встал и прошелся по комнате, широко шагая и размахивая руками, словно он разминал затекшие плечи. Сугерий давно не видел своего повелителя таким оживленным и едва заметно улыбнулся, опустив для верности голову, словно рассматривал какие-то бумаги, принесенные им для короля. Людовик заметил суетливость своего советника, подошел ближе и, заглядывая из-за спины в бумаги, спросил:

– Смеешься над своим королем?..

Сугерий втянул голову в плечи, ожидая мощной оплеухи, коими Людовик частенько награждал многих из своих подданных, находясь в неважном расположении духа.

– Нет, сир. Я, это, как его, смотрю отчеты о расходовании средств. Так, можно сказать, краем глаза...

– Краем глаза, говоришь?! – Людовик изобразил на своем лице гнев, чтобы скрыть улыбку, вызванную откровенным испугом его советника. – Я тебе покажу «краем глаза»! Почему это, скажи на милость, ты просматриваешь важнейшие для меня отчеты «спустя рукава»?..

– Сир, я так, к слову... – Сугерий решил подыграть монарху, продолжая разыгрывать испуг и оторопь. – Столь важные...

– Ладно, ладно, не юли и не вертись, как уж на сковороде! Я пошутил...

– Все усилия сосредоточь на возможности изволения герцога Робера Куртгёза из темницы. Все возможности...

– Сир, а как же агенты Генриха, высадившиеся у нас

под носом? – Не унимался советник, ощущая опасность каким-то седьмым, древним и забытым чувством. – Мне кажется подозрительным, особенно, в свете последних событий...

– Каких, прости меня Господи и Святой Дэни, к чему событий? – Король надул щеки, давая понять, что вопрос решен, закрыт и возврата к нему не будет. – Мало ли, чего может померещиться... – он отрицательно помахал рукой. – Да и откуда у Генриха секретная служба... – Людовик задумался, поднял глаза к потолку, балки которого были украшены грубоватой, но затейливой резьбой, потом, помолчав немного, добавил. – Нет, даже если Генрих и решил создать первую ударную группу, у него она только готовится и ищет цель для атаки. А у нас, слава Господу Вседержителю и Его святому ангельскому воинству, все под контролем...

– Дай-то Бог, ваше величество, дай-то Бог... – Сугерий обреченно вздохнул. – Мне можно удалиться?..

– Погоди-ка, друг мой. – Людовик сел в кресло, заскрипевшее под его тучным телом. – Говоришь, что у Годфруа сын толковый?..

– Истинно так, сир. Образованный, умный и преданный. Весь, можно сказать, в отца!..

– Это хорошо. – Резюмировал король. – Вот его, Сугерий, ты и готовь с группой в Англию. Введи в курию, подыщи для прикрытия какую-нибудь должность. В общем, тебя учить не надо...

– Будет исполнено, сир.

– Ступай, ты мне пока не надобен... – Сугерий встал, низко поклонился и поцеловал руку короля. Людовик вспомнил о чем-то, на его взгляд, очень важном. – Нам надо посулить «золотые горы» графам из Блуа-Шампанского дома и склонить их к миру, а затем, к союзу. Если кто-нибудь из них станет, не приведи Господь, королем Англии, им всем будет уже не до Франции. Ты, я надеюсь, сможешь зажечь там гражданскую войну?..

– О чем речь, ваше величество! – Хитро улыбнулся советник. – Лишь бы...

– Именно... – Людовик опустил голову и задумался. – Иди, ты мне больше не нужен на сегодня...

– А, если, сир, монсеньор епископ де Шартр прибудет?..

– Тогда, мой друг, я жду вас обоих у себя...

Тауэр. За месяц до описываемых событий.

Гуго де Биго направлялся к королю более спокойным, нежели три месяца назад, – у него был уже практически четкий план акции, и, как ему казалось, совершенный, продуманный и многоходовый, позволяющий, с каждым этапом, втягивать в орбиту интересов короны новых персонажей, соседние провинции, в общем и целом, всепожирающий костер мести.

Но нервы и раздумья бессонных ночей все-таки проявляли себя: Гуго заметно постарел, немного осунулся, под его глазами темнели круги, а лоб и скулы покрывала сеть еще не

глубоких, но заметных морщин. Однажды, когда слуга брил его, он заметил свое отражение в большом серебряном и отполированном до блеска блюде. Вид постаревшего человека насторожил его, а небольшой нервный тик, охватывавший правое веко, расстроил его, старавшегося всю свою жизнь походить на усопшего отца – Гуго-старшего де Биго, славившегося до самой могилы невозмутимостью и каменным выражением лица.

Это повергло Гуго в шок! Он, как ему показалось в тот момент, так и не сможет достичь вершин, заданных его отцом. Хотя.... Он ведь догадывался, сколько потрясений и испытаний выпало на долю его отца, но именно это и заставляло его с упорством одержимого копировать и копировать невозмутимость родителя, натягивая на лицо маску непроницаемости и каменного равнодушия.

Гуго вежливо, но достаточно сухо, поздоровался с констеблем личной охраны короля мессиром Рожэ де Канторвиллем, стараясь вывести у того настроения, с которыми встал сего его величество. Добродушный, но немногословный де Канторвилль, мелкопоместный нормандский сеньор, не оправдал его надежд, а лишь промычал что-то невнятное, что еще больше смутило де Биго. Должность констебля личной охраны была введена самим Завоевателем, решившим немного скопировать нравы и обычаи англо-саксонских королей, видоизменив их на свой манер. Вместо «хускарлов», составлявших ближний круг и личную гвардию Эдуарда Ис-

поведника, Гарольда Несчастливого и прочих английских монархов, Гильом Завоеватель ввел небольшой, но надежный и проверенный отряд английских лучников, вручив его констеблю, выбираемому со всем тщанием и, как правило, из числа нормандцев. Число этих стрелков не превышало и сотни, но все они были преданы королю, словно сторожевые псы, готовые растерзать любого, лишь бы только хозяин чуть повел пальцем в сторону несчастного.

Констебль раскрыл дверь и пропустил коннетабля де Биго к королю. Генрих сидел за столом, задумчиво перебирая пергаменты, лежащие в беспорядке на его огромном столе. Присмотревшись внимательнее, Гуго заметил, что это только кажущийся беспорядок: кучки пергаментов, завернутых рулонами или лежащих группами, различались по цвету лент, удерживающих сургучные печати. Король поднял голову и, увидев Гуго, жестом руки приказал сесть на стул, стоявший возле стола. Коннетабль поклонился:

– Сир, долгие лета вам и вашему семейству... – произнес он и понял, что сморозил откровенную глупость. Король, после гибели всех законных наследников престола, крайне негативно реагировал на подобные здравицы. – Пусть королевство процветает под вашим мудрым и долгим правлением... – он попытался, было, исправить ошибку, но Генрих, резким и нетерпеливым движением отбросил один из пергаментов, и, раздраженно взглянув на него, сказал:

– Не мели чушь, коннетабль! Садись и излагай... – Он сел

и, лихорадочно комкая кожаную папку с предполагаемым планом акции во Фландрии, опустил глаза. Король тяжело вздохнул, потер виски.

– Сир, я прибыл, дабы изложить план будущей акции...

– Не тни... – раздражаясь все больше, сказал король.

– Группа из восьми человек, ваше величество, готова отправиться на континент, дабы наказать врагов короны... – Гуго и сам удивился тому, насколько невнятно и высокопарно он заговорил.

Генрих немного развеселился, улыбнулся и, качая головой, произнес:

– Ты, сам-то, хоть понял, что сейчас ляпнул? Ей Богу, де Биго, мирное время делает из вас павлинов, способных открывать рот лишь для того, чтобы произнести фразы, замысловатость и идиотичность которых растет с каждым днем...

– Это верно, сир... – Гуго развел руками. – Хотел, было, как можно лучше сказать...

– А получилось, мой верный, я надеюсь, коннетабль, словно ты пукнул в лужу! Одни брызги – и никакого толку!..

– Исправлюсь, сир.

– Исправляйся, де Биго. – Король поудобнее расположился в кресле, сложил руки, унизанные перстнями, на животе и приготовился слушать.

Гуго раскрыл папку и, для верности периодически заглядывая в нее глазами, начал:

– Акция будет направлена против Фландрии, сир. – Он

заметил, как брови короля поползли вверх от удивления. – Именно, Фландрия, при всей ее кажущейся верности Людовику, кажется мне наиболее удобным объектом для ответного удара...

Он начал живо и в красках рассказывать свой план. Король поднялся с кресла и стал прохаживаться по комнате, то и дело, задавая уточняющие вопросы. Акция, как показалось Гуго, понравилась королю.

– Вот, в общих чертах, ваше величество, и весь план...

– Так, неплохо. Ей Богу, неплохо... – Генрих довольно крикнул и потер руки. – Значит, говоришь, *его светлость Шарль Добрый?*

– Именно, сир. Его смерть сразу же создаст анархию в графстве.

– Ладно, только, прошу тебя, Гуго, не нашими руками... – Генрих после смерти детей стал набожным, – не хватало еще, чтобы мне пришлось отвечать за своих людей...

Гуго едва заметно улыбнулся и продолжил:

– Нет-нет, ваше величество. Сейчас граф занялся, как бы это назвать правильно, наведением порядка в графстве. Он издал Ордонансы, запрещающие ношение оружия своим свободным людям в мирное время. А Фландрия, как вы знаете, сир, только тем и живет, что поставляет наемников, коих у нее, слава Господу, в избытке...

– Ну, даже если и вспыхнет смута, я полагаю, то граф Шарль быстренько придушит ее в зародыше... – Генрих

скептически покачал головой.

– Отлично, сир! Но злоба-то у людей останется! А это, ваше величество, очень ильный фактор!..

– Ерунда... – подвел итог король. – Слабовато, Гуго...

– Тогда, сир, вернее сказать, одновременно с этим, у меня есть план...

– Какой? Такой же бредовый, как бунт наемников?... – скривился король.

– Лучше и вернее! Ордонанс о розыске и возврате людей, бывших *сервами* графов Фландрии!

– И что это даст?

– А то, сир, что, несмотря на кажущуюся силу и могущество графов Фландрии, их власть опирается на *шателенов* замков и *Прево бургов*, многие из которых ведут свой род от сервов!..

Генрих прикрыл лицо ладонями и не проронил ни слова. Гуго испугался, как бы король не выгнал его из комнаты, но тот отнял руки от лица, засмеялся и сказал:

– Гениально! Очень смело, свежо и неожиданно! Шарль сам себе выроет могилу и приготовит надгробный камень! Но, скажи мне на милость, кто станет наследником, коли, у графа нет детей и племянников?

– Я полагаю, что им станет мессир Гильом Клитон – ваш племянник...

– Да ты, Гуго, предатель! – Закричал Генрих, сделавшись пунцовым от злости. – Ты что – с ума сошел?..

– Нет, сир, я в полном здравии. – Спокойно ответил Гуго. – Просто, этим актом Людовик сам отправит Гильома на тот свет...

– Не понял?..

– Я планирую, но только после вашего монаршего согласия, подготовить настоящего наследника графства, того, кто будет нам другом и союзником...

– Кто он...

– Мессир Тьерри де Эльзас. – Гуго в упор посмотрел на короля. Ему было интересно понять, что сейчас творится на сердце монарха, узнавшего о неизбежной гибели родного племянника.

– Скажи-ка мне на милость, де Биго, с какого перепуга Людовик вручит оммаж моему племяннику?..

– Ну, во-первых, сир, Гильом в прошлом году женился на Жанне Савойской – сестре королевы Франции. – Гуго монотонно, словно на уроке латыни, стал перечислять доводы. – Во-вторых, Гильом Клитон воспитывался при дворе Франции и впитал политику буквально с молоком кормилицы. В-третьих, сир, Людовик, наверняка, потребует взамен внушительный *рельеф* и согласие, в случае благоприятного исхода дела, передать Нормандию ему...

– Какого такого «благоприятного исхода»? – Заинтересовался король.

– Воцарения на престоле своего деда... – де Биго решил насладиться минутой триумфа, поставив короля в интерес-

ное положение своей фразой.

– То есть, ты хочешь сказать, что у меня нет шансов, что папа Римский утвердит Робера законным наследником, оставив его бастардом?... – Гуго молча покачал головой. Генрих взялся руками за голову. – А Матильда? Она же моя законная дочь...

– Она – женщина, сир, к тому же, ваше величество, салический закон франков и норманнов исключает женщину из прав наследования сеньории. – Король молча качал головой. – К тому же, сир, она была замужем за германским императором Генрихом, что, мягко говоря...

– Достаточно, коннетабль! – Генрих сильно ударил кулаком по столу. – Остается только надеяться на Господа...

– И на верных людей, сир... – Гуго подался телом вперед, выражая собой полнейшую преданность.

– Но, Гуго, Людовик со своим советником Сугерием – не такие уж дураки, чтобы проморгать то, что будет твориться у них под носом во Фландрии...

– Мы приготовили еще один отвлекающий маневр. После внезапной смерти графа Шарля наиболее близким родичем, как ни странно это будет звучать, является Гильом де Ипр, бастард графа де Лоос...

– Он еще совсем юн... – Скептически произнес Генрих, давая понять, что полностью соглашается с планами Гуго де Биго.

– Он нам пригодится. А если, сир, Господу будет угодно

и его забрать к себе, нам же будет проще...

– Мы согласны на все, мой верный коннетабль, лишь бы Матильда или ее потомство воцарились на престоле моего великого отца...

– Будьте покойны, ваше величество... – Гуго встал на колени перед королем. Одного вашего жеста будет достаточно, чтобы так стало...

– Встань, мой верный коннетабль... – король протянул руку для поцелуя. Коннетабль резко поднялся и, приблизившись к Генриху, встал на колени, подобострастно поцеловал руку короля. Генрих хотел, было, прикоснуться к его голове, чтобы погладить волосы верного воина, но, что-то смутное и неясное шевельнулось в сердце короля, заставив отдернуть руку. – Можете, мой верный де Биго, считать себя великим коннетаблем королевства. – Гуго поднял глаза и увидел холодный взгляд короля, устремленный, как ему показалось, в самую глубину его сердца. – Полагаю, что вы можете беспрепятственно посещать казну Винчестера для черпания любых сумм, лишь бы...

– Будет исполнено, сир...

– Мне важно лишь одно – Матильда и ее потомство должно быть на троне Англии! Любой ценой...

– Сир... – попытался, было, вставить слово де Биго.

– Не надо слов. Надо больше дела... – по лицу Генриха скользнула тень сомнения и раздражения. Так всегда бывало, когда он сомневался или сталкивался с какой-нибудь

трудной задачей. – Ступай. Жду к лету результатов...

– Сир, скорее всего, ближе к осени мы сможем «посчитать наших цыплят»... – Гуго решил снова завести разговор о своем, личном, наболевшем. – Ваше величество, как я вам уже неоднократно докладывал, в подавляющем большинстве наших бед и проблем повинен мессир де Леви...

– Это кто, что-то я забыл... – Генрих нахмурил лоб. – А-а-а, тот рыжий франк, что вытащил меня из воды, когда я в расстроенных чувствах прыгнул за борт, ища среди обломков «Бланш Нефа» своего сына! Помню, помню...

– Сир, он не тот, за кого себя выдавал! Он – франкский шпион и убийца! Именно он, сир, вырезал весь гарнизон замка, вассального покойному графу де Мёлан! Именно он выкрал из Руана последний и самый важный пергамент! Именно он, сир...

– Ага! – Недоверчиво перебил его король. – Это ты, соня, проспал документ! Теперь, когда прошло столько времени, удобно сваливать вину на доброго рыцаря!

– Но, сир...

– Ты скажи еще, что это он пробил днище у корабля и утопил моих сыновей!

– Вполне возможно, сир... – не унимался де Биго, превращаясь в настырного и упертого собеседника.

– Он, к твоему сведению, был все это время подле меня! Мало того, Гуго, мы с ним вышли на одном судне!

– У него могли быть сообщники...

– Да-да, конечно, я и позабыл, что франки превратились в фанатичных убийц, готовых положить свои жизни ради черт его знает чего!..

– Я прошу у вас соизволения на устранение мессира Годфруа де Леви, как наиболее опаснейшего из франков. – Гуго в упор посмотрел на короля.

– Да ты с ума сошел! Он уже несколько лет, как монах! Хочешь, чтобы папа Римский, да и вся Европа ополчились на меня?! Не бывать этому... – Генрих с силой хлопнул ладонью по столу. – Монах, сложивший с себя оммаж и ставший на службу вере, неприкасаем!.. – Король усмехнулся. – Мне кажется, порой, что ты просто ослеп от своей злобы и застарелой мести к этому сеньору, прости Господи за ошибку, к Божьему человеку... – Он запрещающе покачал пальцем. – Об этом, даже думать забудь, а вот обо всем, что касается нашей беседы...

– К осени, сир, вы получите ошеломительные результаты...

– К осени, так к осени... – Генрих поморщился, словно в сапог к нему попал камушек, причиняющий неприятности и раздражающий своими острыми гранями, протер лицо руками, – только запомни одну простую вещь: меня дурить не стоит! Лучше, так прямо подойди и скажи, если, не приведи нас Господи, что-нибудь стрясется, выпадающее из нашего плана...

«Ого! Он уже считает мой план «нашим», – про себя от-

метил Гуго, — это, ей Богу, отличная новость»...

Он вежливо склонил голову и покинул Генриха. Едва рыцари охраны закрыли за ним тяжелую дверь, Гуго гордо вскинул голову, расправил плечи и пошел неспешной походкой, вкладывая в каждый свой шаг как можно больше величия, могущества и, какой-то невесть откуда появившейся, спеси. Придворные, сталкиваясь с ним и его взглядом, робели, многие («даже странно, как на них действует», — отмечал для себя де Биго) пятились назад и кланялись, словно ощущая своим телом возросшую мощь и усилившееся могущество коннетабля.

ГЛАВА V.

О том, как шевалье Филиппа де Леви срочно вызвали во дворец.

Замок Сент-Ном. 30 декабря 1026г.

Зима в этом году не спешила вступать в свои права, а начало месяца выдалось обнадеживающим: подул теплый юго-восточный ветерок, разогнавший серые тучи и расчистивший небосвод до ослепительной синевы, солнце, словно припавшее до этого момента в засаде, снова засияло своими согревающими лучами и, сначала робко, а затем, все веселее, задорнее и наглее. Перепутав сезон года, запели свои песни птицы, оставшиеся в лесах, которые медленно и неохотно теряли свою листву и протягивали голые ветви к небу, словно моля о пощаде.

Лес, окружающий замок Сент-Ном, выглядел серо и мрач-

но, но и он наполнился многоголосьем природы, где к пению птиц добавлялись журчание талой воды, струившейся к ручьям, скрип старых деревьев, хруст веток, ломаемых кабанями и поднявшимся зверьем, суетливая беготня зайцев, да мышей полевых, озабоченных добыванием хлеба насущного.

Молодой наследник богатой сеньории, основу которой и составлял мощный замок Сент-Ном, сеньор Филипп де Леви, несмотря на сегодняшнюю промозглость, сменившую приятность погоды на изморось, ветер и слякоть, бившую из-под копыт его коня, только что вернулся с объезда своих лесных и охотничьих угодий. Егеря, сокольничие и конюшие проворно расседывали коней и уводили их к большим крытым каменным конюшням, чтобы почистить, проверить подковы и как следует накормить овсом, когда чуткий слух рыцаря уловил явственный стук копыт. Он прислушался, чтобы проверить еще раз – не показалось ли ему. Нет. Топот копыт разгоряченных кобы, смешиваясь с хлопаньем весенней грязи, поносился все отчетливее и отчетливее. Ошибки быть не могло. К замку приближались люди. Они так сильно спешили, что наплевательски относились к лошадям, пустив их быстрым галопом по кочковатой и раскисшей лесной дороге, тянувшейся от Парижа и земель Монморанси, на Монлери, где возле большого креста Святого Жана, что стоял прямо на развилке дорог, одна из которых уходила на Корбейль и Мелен, другая шла напрямиком на Немур и Орлеан, а третья, по которой и надо было ехать, чтобы попасть в Сент-Ном, а за

ним и в Ивелин, которым владели Монфоры, уходила вправо, сразу же упираясь в темные, густые и влажные хвойные леса, тянувшиеся сплошной зеленой стеной до самого замка.

– Дозорный! Смотреть на дорогу!.. – крикнул Филипп, поднимая голову и бросая взгляд на одну из двух высоких надвратных башен, где располагался смотровой пост гарнизона. – Всадники едут!..

Дозорный высунулся из бойницы и, придерживая конический шлем рукой (он мог упасть), молча кивнул и исчез в темноте верхней стрелковой галереи, закрытой деревянным навесом. Не прошло и минуты, как он высунулся и, тыча рукой по направлению к лесу, закричал:

– Сеньор! Сеньор! Четыре всадника!.. – Стрелок еще раз присмотрелся и, с уже более спокойным и довольным видом добавил. – Вижу королевский *пеннон* на *лансе* первого всадника. Точно! Мессир де Леви! Это гонцы!..

Филипп насупил брови – его несколько смутило и насторожило неожиданное приближение королевских гонцов. Он пожал плечами и направился в большой каменный дом, отстроенный его отцом – первым сеньором де Леви рядом с большим каменным донжоном в четыре этажа.

«Слуги сами разберутся, что им делать с гостями... – решил он, поднимаясь по ступеням дома, – а я успею, пожалуй, переодеться, обмыть лицо и руки... – Филипп критически осмотрел свои одежды, заляпанные сочной весенней грязью. – Негоже сеньору встречать гонцов своего сюзерена

в подобном платье...»

Он быстро поднялся на второй этаж и вбежал в просторную комнату, освещенную, несмотря на дневное время, светом большого камина, в котором пылали несколько толстых стволов. Слуги, наученные многочисленными нагоняями и пинками хозяина, быстро принесли два больших кувшина с теплой водой, выбеленные полотняные покрывала для обтирания и сменную одежду.

Быстро умывшись и расчесав длинные, с медным оттенком, выющиеся волосы, Филипп де Леви надел короткий кожаный гамбезон, подаренный ему отцом перед принятием пострига, затянул на талии широкий пояс, богато инкрустированный золотыми бляхами, прицепил кинжал и надел через голову перевязь меча в добротных и крепких кожаных ножнах. Весь костюм рыцаря практически полностью состоял из двух цветов: желто-золотого и черного, которые и составляли его родовой герб, определенный для их рода самим покойным королем Филиппом Грешником. Штаны-брэ, и те были желто-черными. Филипп, как мог, оглядел себя и остался доволен своим видом. Он поставил поочередно каждую ногу на высокий табурет, оруженосец – совсем еще юный подросток четырнадцати лет проворно прикрепил короткие золотые шпоры к его сапогам, голенища которых также украшали желто-черные цвета, стряхнул, как ему показалось, несколько пылинок с одежд своего сюзерена, и, довольно кивая головой, произнес:

– Ну, вот и все, мессир Филипп. Выглядите просто замечательно...

Филипп посмотрел на него и ответил:

– Надеюсь, портной не сильно переусердствовал с гербовыми цветами? Я, конечно, понимаю, что сейчас такая мода пошла, но, скажи мне на милость, Оливье, не похожу ли я на петуха?..

– Бросьте, мессир... – Оливье, так звали оруженосца, отошел на три шага назад, окинул рыцаря критическим взглядом и добавил. – У вас, мессир, очень славные и скромные цвета. Скажите спасибо, что его величество Филипп Французский выбрал вам только два цвета! А то, стыдно сказать, могли бы быть и в правду, как фазан, если бы, к примеру, носили цвета его светлости де Сен-Поля или, еще хлестче, как у сира де Куси! У меня в голове не укладывается, как они и их портные будут сочетать синие, красные, белые и золотые цвета!..

– Но-но, Оливье, полегче-ка, с гербами столь высокородных рыцарей... – Филипп изобразил недовольную мину на своем лице. – Их гербы, чего спорить, древнее моего...

– Ерунда! – Резюмировал юный оруженосец. Его апломб и максимализм в суждениях, коими Оливье частенько грешил, порой злили рыцаря, но, одновременно, и забавляли его, заставляя вспоминать годы отрочества и юности, прошедших при дворе графа Мишеля де Нанси – старинного друга и боевого товарища его отца. – Зато, мессир Филипп, не каж-

дый из них сможет похвастаться тем, что его герб пожалован самим монархом на поле брани и его владелец ценой своей жизни спасал жизнь помазанника Божия!..

– Все! Хватит! Надоел ты мне, хуже горькой редьки своим неумным пустомельством...

Дверь комнаты открылась, и на пороге появился слуга, который поклонился и несколько срывающимся от волнения голосом произнес:

– Хозяин, тут, это, гонцы от его милости Сугерия... – он помялся в дверях и, видимо, вспомнив что-то, добавил. – Так мы их того...

– Чего «того»? – Испуганно переспросил Филипп. – Прогнали взашей?..

Слуга – старый, но еще крепкий воин, улыбнулся своим беззубым ртом, и, смеясь, ответил:

– Что вы, мессир! Нежели мы не знаем, как надобно обращаться с государевыми слугами! Мы их, того, в большой зал отвели, подали воду для умывания с дороги, да поесть, чем Бог послал...

– И, что же на этот раз, Бог послал? Надеюсь, не пареную репу?.. – все еще переживая за нерадивость черствость своих слуг и воинов, уточнил Филипп.

– Не приведи нас Господь и его Небесное воинство! – Перекрестился воин. – Все, честь по чести! Мясо, дичь, вино... – Он вспомнил, улыбнулся и добавил, – даже этих, как их там, чертей, скоморохов да певцов велели пригнать из бур-

га...

– Какого ***, – выругался Филипп на воина, – ты решил посылать за этими скоморохами и клоунами? Вели живо отозвать посыльного...

– Будет исполнено, – воин пожал плечами, поклонился и вышел, закрыв за собой дверь.

– И с такими людьми мне предстоит, не дай Господь, ехать к королю... – тихо произнес Филипп, грустно качая головой. – Смеху-то будет...

– Зато, хозяин, они все, как на подбор, проверенные и опытные рубаки, прошедшие многие кампании под стягом вашего батюшки... – вставил несколько утешительных слов Оливье. Он хитро посмотрел на рыцаря и, прищулив один глаз, произнес. – Сейчас, поговаривают, в моду стали входить «юрисперитусы», которым поручают вести разного рода дела, управлять имуществом, помогать, прежде всего, с поиском денег для крестовых походов, составлять генеалогические древа...

Филипп с нескрываемым удивлением посмотрел на Оливье. Болтливость, живость натуры и неумная жажда познания всего нового, подчас, восхищала его, но, одновременно, пугала и настораживала рыцаря, который не привык к пустым разглагольствованиям. Филипп больше склонялся к сдержанности в проявлении эмоций, немногословности и рассудительности, хотя, порой, и его охватывало какое-то ранее неизвестное чувство, толкавшее его, словно легкую па-

русную лодку, рожденную для плавания по рекам, в открытое и бурлящее море жизни полное испытаний, приключений и опасностей. Многие из его старых воинов, живущих в замке и помнивших его мать, тихонько перешептывались, кивая на молодого хозяина, ведь им было просто удивительно наблюдать, как молодой сеньор боролся с генами Лузиньянов, привыкших к интригам, войнам и приключениям. Вот и сейчас, переодеваясь для встречи с гонцами, он тайно переживал, вздрагивал и надеялся, как бы он не скрывал этого, на то, что его призовут ко двору для выполнения какой-нибудь почетной, но до невозможности опасной миссии.

Сплошная пелена молчания, многозначительных вздохов и отведений глаз, сопровождавшая мирскую жизнь его отца, ставшего еще при жизни великим рыцарем и верным паладином короля Людовика Воителя, нет-нет, а прорывалась, открывая удивительные полунамеки, полуфразы, от которых у Филиппа кружилась голова и сбивалось дыхание, а сердце переходило на сумасшедший ритм, готовясь выскочить из груди.

Два других брата, Мишель и Антуан, названные так в честь графа де Нанси и старого рыцаря де Сент-Омера, который и воспитывал юных мальчиков до самой смерти, попали под покровительство самого всемогущего Сугерия, забравшего их к себе на воспитание, обучение и услужение. Их судьбы сразу же покрыла тьма тайны и братья, во время своих нечастых встреч, обходили стороной, мялись и бубнили

что-то невнятное, едва Филипп начинал расспрашивать их о своем житье-бытье.

Филипп де Леви надел на шею большую золотую цепь с массивным щитом, на котором был выгравирован герб сеньора: три черных стропила по золотому полю, надел на голову мягкий чепец черного цвета и вышел из комнаты, направляясь к большому залу, где его ожидали гонцы.

Челядь, воины, свободные от дежурства, и слуги уже столпились возле раскрытых дверей. Они пожирали глазами гостей, чей несколько измученный, промокший и грязный вид, тем не менее, не смущал их, а наоборот, разжигал интерес, ведь все новое и, в особенности, внезапное, всегда интересует людей, живущих в глуши своими размеренными и скучноватыми жизнями.

Шателен замка, сын покойного Шарля Мрачного, которого звали Шарль Младший, громко ударил большим деревянным жезлом по каменным плитам зала и произнес приветствие хозяину, придавая голосу наибольшую значимость. На самом деле, он сильно нервничал и переживал, поэтому, он и старался прокричать имя и титул своего хозяина как можно громче.

Гонцы, их было четверо, тут же вскочили со стульев, прервали еду и поклонились рыцарю. Один из них, видимо, он был старшим в этой группе, быстро вытер губы рукавом своего гамбезона, грудь и спину которого украшали серебряные лилии, вышел вперед и, согнул одно колено, протянул Фи-

липпу де Леви небольшой кожаный рулон, в котором находился пергамент.

— Ваша милость... — гонец протянул рулон. — Его величество отзывает вас для своих нужд...

Филипп протянул руку и взял пергамент. Он заметил, как его руки начали мелко дрожать, и, пытаясь скрыть волнение, сел в кресло, стоявшее во главе большого дубового стола, рывком сорвал сургучную печать и вынул пергамент из футляра. — Присаживайтесь, дорогие гонцы. — Его рука сделала произвольный жест. — Угощайтесь с дороги. — Он повернул голову к слугам, толпившимся по краям стола. — Живо, ротозеи, вина и мяса!..

Гонец встал, учтиво поклонился и, присев на край стула, ответил:

— Ваша милость, к несчастью, нам надлежит объехать еще несколько замков...

Филипп с досадой в голосе произнес:

— Откушайте, пока мои конюшие перековывают ваших коней. — Он поискал взглядом шателена замка, который жестами показал рыцарю, что, скорее всего, коней придется заменить. — Даже так, я велю немедленно выдать вам из моих конюшен четверку свежих скакунов. Их тотчас же начнут готовить к выезду...

Гонец молча поклонился рыцарю и, понимая, что требуется некоторое время на подготовку коней, жестом приказал своим спутникам приступать к еде. Гости с нескрывае-

мым голодом накинудись на дымящееся мясо, которые слуги уже нарезали большими кусками и, положив их на ломти свежеспеченного хлеба, подавал гостям, не забывая при этом наполнять большие серебряные кубки прохладным вином, поднятым из подвалов замка.

Филипп развернул пергамент и, опершись локтями на стол – так руки будут меньше дрожать от волнения, стал читать вызов короля. К его удивлению и, некоторой досаде, вызов был написан рукой Сугерия, но Людовик, все-таки, самолично подписал письмо, выведя гусиным пером свой вензель в виде стилизованной под лилию буквы «Л» и шестерки, прописанной римскими цифрами...

«...посему, моему верному вассалу Филиппу де Леви, сыну достославного епископа Шартрского Годфруа, надлежит немедленно выехать к нам в замок Монкруа и отыскать нашего верного слугу и советника монсеньора Сугерия, дабы вручить ему свой меч и выслушать приказания, кои он доведет до твоих ушей от нашего имени и с нашего полного согласия и одобрения. Приказываю тебе, рыцарь Филипп, прибыть в означенное место не позднее пяти дней с момента получения письма и взять с собой полное «копье», да средства, надобные для безбедного проживания и обеспечения своих людей в течение сорока дней...»

Филипп почувствовал, как по его телу пробегают мурашки, а жилы наполняются каким-то сладостным и трепетным прохладным потоком, кружащим голову и вызывающим лег-

кое головокружение. Он снова кинул взгляд на пергамент:

«...Божьей милостью Людовик Французский, король франков, рыцарь. Писано Сугерием в Париже, во дворце Сите, двадцать восьмого декабря 1026 года от Рождества Христова...»

Рыцарь свернул пергамент, улыбнулся, демонстрируя гостям и слугам свое прекрасное настроение и, подняв большой серебряный кубок с вином, произнес тост:

– Да здравствует великий король Людовик Французский! Долгие лета его мудрому и славному правлению! Да хранит Господь короля и его наследников!..

Он разом осушил свой кубок и, ловко подцепив большой кусок оленины кинжалом, впился в него зубами.

Королевские гонцы дружно выпили и углубились в поедание горячей оленины, продолжая беседовать с Филиппом и его рыцарями, севшими за стол рядом с ними. Пользуясь моментом, хозяин замка незаметно подозвал Оливье и тихо произнес:

– Немедля отзови Шарля и вместе с ним готовьте в поход полное рыцарское копье. – Оруженосец весело заблестел глазами и хотел, было, сломя голову кинуться к шателену, но Филипп схватил его за рукав и тихо добавил. – Да не торопись ты так. Прикажи подготовить отряд к «*шевоше*». Пусть каждому рыцарю подготовят по три запасных *палефроя*, оруженосцам и конюхам хватит и по одному. – Оливье снова дернулся, но Филипп резко осадил его. – Говорю тебе,

перестать скакать, словно весенний заяц! Для обеспечения копыа пусть Шарль перекует двадцать ронкинов – нам, судя по всему, может выпасть долгий переход...

– Сеньор, да я все помню... – Оливье посмотрел на рыцаря счастливыми глазами. – Не извольте так переживать! Все будет сделано в наилучшем виде! Прикажу отобрать лучшей солонины, сухого просеянного овса для лошадей, да денег...

– Да-да, я и забыл... – кивнул Филипп. – Пусть Шарль идет к *шамбриэ* Пьеру, откроет схрон и возьмет пять тысяч ливров серебром...

– Ух, ты! Мы, что, в крестовый поход идем?..

– Кто его знает, Оливье. Я лишь вассал короля и обязан быть подготовлен ко всему, что прикажет сюзерен... – Филипп пожал плечами и окинул взглядом зал. Гости полностью погрузились в поедание свежего мяса и ожидание момента, когда конюхи рыцаря известят их о готовности свежих коней. Старший гонец, нет-нет, а поглядывал на входные двери, нервно ерзая на высоком деревянном стуле, который своей резной спинкой более походил на кресло.

В это время в зал вбежал старший конюший и, учтиво поклонившись, крикнул:

– Лошади готовы, ваша милость!..

Филипп в ожидании этого момента буквально извелся на месте. Он поднялся и вопросительно посмотрел на гонцов. Старший королевский гонец отложил мясо в сторону, залпом допил вино, налитое слугой в кубок, обтер губы рукавом

своего гамбезона и, поклонившись хозяину замка, произнес:

– Простите, мессир де Леви, но нам, как это ни досадно, но надо спешить. Разрешите поблагодарить вас за столь обильное угощение и внимание, проявленное к нашим персонам...

– Пустое, – прервал его Филипп, – для меня честь услужить верным слугам его величества, вассалом которого я являюсь...

– Благородные слова, – поклонился гонец, – мое имя – Жан де Бомон. Я пятый сын графа де Бомона и, с этого момента, мессир, вы можете полностью рассчитывать на меня и располагать мною так, как вам заблагорассудится, кроме дел, направленных против моего сюзерена – короля Людовика...

Дежурная фраза, сказанная молодым де Бомоном, была, тем не менее, искренней, о чем свидетельствовали глаза гостя: горящие, открытые и честные. Скорее всего, подумал Филипп, сеньоры не часто, вот так, от всей души, жалуют королевских посланников...

– Благодарю вас, благородный Бомон. – Филипп поклонился. – Для меня будет большой честью обратиться к вам, мессир Жан, в случае надобности...

– Мой меч всегда будет вам подмогой... – гонец еще раз поклонился, жестом приказал своим спутникам собираться в дорогу и, развернувшись, направился к выходу.

Филипп, на всякий случай, быстро подозвал слугу и тихо произнес:

– Поль, живее на кухню, собери гонцам в дорогу...

Поль молча поклонился и убежал исполнять приказ рыцаря.

Жан де Бомон уже сидел в седле, наблюдая за тем, как его спутники подгоняют упряжь своих коней, готовясь к быстрому, но изнурительному броску на Орлеан, когда его внимание привлек слуга хозяина замка.

– Чем могу тебе помочь?.. – спросил Жан, слегка наклонившись в седле. – Я еду на Орлеан, так что вряд ли буду тебе полезен, чтобы передать письмецо...

Слуга весело улыбнулся и ответил:

– Спасибо, сеньор гонец, но мне, слава Господу, и писать-то никому не надо. Я сирота. Мой добрый хозяин приказал передать вам вот это... – он протянул Жану два увесистых узла, в которых была еда для гонцов. – Он приказал мне, строго-настрого, чтобы вы не отказывались, а то, мессир, он приказал мне махнуть рукой...

– Не понял? А рукой-то, зачем махать?.. – удивился Жан де Бомон.

– Так ведь, мессир гонец, – слуга хитро прищурился и улыбнулся, – ежели я махну рукой, то воины мигом опустят решетку на воротах...

– Однако... – поразился Жан де Бомон, – давненько я не сталкивался с подобным гостеприимством. Мы с благодарностью принимаем еду... – он взял оба узла и закрепил их на луке своего седла. – Прости, но нам пора...

Жан поддал шпорами своего коня и поскакал к воротам замка, высекая искры подковами. Три всадника, составляющие его эскорт, поспешили за ним и вскоре скрылись в темноте арки надвратной башни...

Едва всадники выехали за ворота и, проехав по подъемному мосту, понеслись к лесу, замок ожил, наполнился шумом, оживлением и стал походить на встревоженный муравейник. Внутренний двор, вымощенный камнем, был заполнен снующими людьми, каждый из которых, при этом, четко знал, что он должен был делать и куда идти. Конюшие выводили декстриера и трех палефроев для рыцаря де Леви, воины его копыта сновали между кузницей и арсеналом, выбирая вооружение и амуницию, челядь и прислуга нагружала на ронкинов припасы, имущество и кучу других вещей, остро необходимых хозяину и его воинству в дальнем походе.

Филипп де Леви, стоя на небольшом каменном *бретеше* донжона в окружении шателена замка и местного священника, молча смотрел на эту суматоху. Этим двум людям, верой и правдой служившим еще его отцу и матери, Филипп доверял, пожалуй, больше всех. Поэтому, именно их он и вызвал к себе:

– Шарль, – он обратился к молодому рыцарю, старавшемуся держаться как можно невозмутимее и сдержаннее, хотя, и его захлестывали эмоции, вызванные скорым и внезапным отъездом его сеньора, – тебе я вручаю замок. – Шателен молча поклонился. – Управляй им разумно, береги и содер-

жи в исправности. Воинов попусту не обижай, но и спуску, в случае какого баловства, не давай! Подати, оброки и повинности собирай исправно, излишки продавай, а деньги отдавай шамбриэ, но помечай, для верности, суммы...

— Будет исполнено, хозяин... — Шарль поклонился рыцарю. Он с трудом сдерживал свои эмоции, переживая о том, что ему не придется отправиться с ним в долгий и, несомненно, трудный и опасный поход. — Сожалею лишь, ваша милость, что мне не суждено выехать вместе с вами...

— Будет и на твоём веку не один шевоше, поверь мне... — Филипп положил руку на плечо шателена. — Ступай... — он повернулся к священнику, стоявшему поодаль, и сказал. — Отче, помогайте делом и советом Шарлю. Он, в сущности, как и я, еще очень молод. На вас, падре, вся моя надежда. Управляйте часовней, церковью и приходом, внушайте сервам смирение и послушание...

Замковый священник — пожилой, но еще крепкий, монах пятидесяти лет вытер слезу и перекрестил рыцаря:

— Буду молиться за вашу милость. А за паству и деревни не беспокойтесь, — он показал рыцарю свои крепкие руки, выдававшие в нем бывшего воина. — Мои руки, слава тебе Господи, еще помнят, как держать меч или палицу, так что в обиду ни себя, ни паству я не дам...

— Спасибо, отче, — рыцарь молча встал на колени перед священником. — Благословите меня...

— Во имя Отца, Сына и Святого Духа благословляю тебя,

Филипп де Леви, сын достославного Годфруа, на верное и праведное служение его величеству и святой Матери церкви! Будь защитой для слабых и угнетаемых, а к врагам короны и церкви будь мечом праведным и решительным...

ГЛАВА VI.

Дорога на Монкруа и встреча с Сугерием.

Замок Монкруа. 2 января 1027 года.

По узкой и извилистой лесной дороге, по мере возможности старательно объезжая глубокие и грязные лужи, похожие скорее на озера, медленно ехал небольшой, но внушительный отряд воинов.

Впереди, как и полагалось командиру отряда, ехал на белом иноходце рыцарь, одетый в кольчугу, сюркот и длинный плащ, скрепленный на левом плече огромной золотой *фибулой* с резным изображением поклонения Волхвов, взятого из Святого писания и искусно выполненного одним флорентийским мастером-ювелиром. Скольких денег стоила эта красивая фибула можно, было, только догадываться, но ее владелец нисколько не сожалел о потраченных на ярмарке в Ланди ливрах, потрясенный, прежде всего, четкой и филигранной работой итальянского мастера. Длинный плащ, подбитый мехом белки, был ярко-желтого цвета с чередующимися черными стропилами. Сюркот был также желтым, а на груди и спине рыцаря, прикрытой плащом, размещались вышитые гербы его владельца: три черных стропила по золотому полю. Шлем, рыцарь не надел, предпочтя ехать в плотном чер-

ном подшлемном чепце, прикрывающим его густые и длинные, медного цвета волосы, спускавшиеся до плеч. Кольчужный капюшон был сброшен и плотными мягкими складками лежал на плечах и спине воина, подчеркивая прочность, надежность и изящность итальянской кольчуги, свитой из трех слоев мелких стальных колечек.

Довершал этот красивый, но пестрый, наряд широкий кожаный рыцарский пояс, богато украшенный золотыми и серебряными бляхами. На нем висели три увесистых кошеля, два кинжала: один с узким лезвием и круглой гардой для защиты руки воина, а второй, несомненно, восточного или арабского происхождения, имел искривленное лезвие, широкое возле рукояти и сужавшееся к острию. Рукояти обоих кинжалов были богато инкрустированные слоновой костью и золотом, но их внушительный вид говорил о том, что эти кинжалы, все-таки, боевые и страшные орудия, а не декоративные украшения. Семейный меч в добротных и крепких кожаных ножнах располагался слева от рыцаря, медленно покачиваясь в такт движения коня.

Немного позади него ехали оруженосец и конюший. Оба были в коротких кольчугах аламанского типа, снабженных капюшонами-хауберками, в кожаных гербовых коттах и плащах. Оруженосец держал в левой руке шлем рыцаря, а в правой – боевой пеннон сеньора, с точностью повторявший герб Филиппа де Леви. Два запасных палефроя рыцаря были привязаны к седлу оруженосца и мирно шли шагом по обеим

сторонам коня оруженосца. Конюший, в свою очередь, вел боевого декстриера в полном облачении и держал в руке запасной ланс рыцаря.

За передовой группой отряда следовали остальные воины, входившее в рыцарское копье: шесть тяжеловооруженных рыцарей, одетых в цвета своего сюзерена, и четверо конных арбалетчиков, на которых в мирное время возлагались обязанности прислуги. Каждый из этой группы воинов имел по два запасных коня и был вооружен, помимо меча, секиры и арбалета, еще и копьями, правда, у арбалетчиков они были значительно короче и поэтому их называли «шефлин».

Завершением этого внушительного эскорта был небольшой обоз, состоящий из четырех крытых и утепленных двухосных повозок, запряженных четверкой мулов. Они перевозили оружие и остальное имущество, жизненно важное и необходимое для длительного и автономного существования отряда. Первая повозка везла комплекты запасных болтов для арбалетов, копья, крючья и пики для пешего и конного боя. Во второй повозке находилась переносная точильня для оружия, дюжина мотков железной проволоки для ремонта кольчуг, несколько мешочков со стальными кольцами для ремонта более дорогих кольчуг, и четыре бочонка, внутри которых находились свернутые и смазанные салом кольчуги. Третья повозка везла теплую и сменную одежду, походную часовенку и бочонки с вином. Мешки с мукой, солонина в бочонках, котлы, топоры, кастрюли и палатки для размеще-

ния воинов располагались в замыкающей, четвертой, повозке. Управлялись со всем этим хозяйством двенадцать крепких и молчаливых слуг, каждый из которых уже успел побывать в боях, служа отцу молодого рыцаря. Именно на них и ложилась основная нагрузка во время привалов, а уж о том, что выпадало на их долю во время участия в длительных походах лучше рассказать отдельно.

На долю этой дюжины, составлявшей тыловой отряд, ложилось постоянное обеспечение продовольствием и вином воинов, добыча корма для коней, естественно, ремонт, кузнечные и конюшенные работы, в общем, все, что благородным сеньорам было делать непозволительно. Например, в составе передовых штурмовых команд тащить тараны и лестницы к воротам и стенам замков, умирать под залпами арбалетчиков, получать изрядные порции камней или раскаленного свинца на головы и, при всем этом, еще сохранять силы для того, чтобы после штурма заниматься хозяйством и прокормом сеньора и всех воинов его копья.

А пока они ехали и весело перешучивались между собой, тайно надеясь, что, на этот раз, судьба-злодейка обойдется с ними куда более миролюбиво.

Молодой медноволосый рыцарь, несмотря на холодную и ветреную погоду, весело шурился и насвистывал мотив какой-то веселой сирвенты. Он с удовольствием рассматривал свое отображение в лужах и любовался красивыми нарядами.

Нет, Филипп де Леви не был мотом и не славился бахвальством! Большую часть пути он проделал в добротных дорожных одеждах, отдавая предпочтение утепленным гамбезонам и меховым курткам с капюшонами. Но, когда до замка Монкруа – цели его маршрута, оставалось три лье, он, после ночного привала, приказал слугам вытащить самые лучшие и парадные одежды, в которых и ехал сейчас.

После часа пути отряд, наконец, увидел перед собой замок, возвышавшийся на большом, но покатом, холме в излучине реки, служившей естественной защитой этой грозной королевской твердыни. Ров, прорытый вдоль его южных и восточных стен, снабжался речной водой и довершал внешнее кольцо природных укреплений.

Столкнувшись с долгой, изнурительной и, если так можно было назвать, рваной войной, когда небольшие и шаткие перемирия, лишь на короткие отрезки времени, позволяли отдышаться, Людовик всерьез занялся укреплением и, зачастую, полной реконструкцией многих своих замков, башен и крепостей. А после начала войны с графами из Блуа-Шампанского дома, когда, помимо северной английской угрозы, исходившей из Нормандии, прибавилась и внутренняя проблема в лице племянников короля Генриха – графах Стефане и Тибо де Блуа, королю пришлось, отказывая себе и королевству во многом, ограничивая расходы и вводя строжайшую экономию средств, спешно модернизировать, так называемые, внутренние замки и крепости, в числе которых и

оказался Монкруа.

Людовик приказал спешно нарастить куртины, надстроить стрелковые площадки на башнях, усилить замковые ворота, перестроив мост и спешно установив спускную решетку, только что ставшую входить в фортификационную моду. Даже старая, еще Каролингов, цитадель, и та коснулась существенной перестройки. Старый квадратный донжон был обнесен небольшой стеной, что, правда, уменьшило площадь внутреннего двора замка, но увеличило его обороноспособность. Замок потерял свой, как бы так выразиться, домашний или уютный вид, выгодно выделявший его среди десятков других крепостей короля. Вместе со всеми этими перестройками и новшествами в фортификации замок Монкруа прекратил «ковать» молодое пополнение из числа рыцарей и оруженосцев и сосредоточился на обеспечении, пожалуй, более важной задачи – здесь с недавних пор стал размещаться центр по подготовке агентов тайной службы, члены которой подчинялись только королю и его первому министру Сугерию.

За последние пять или шесть лет небольшая деревенька, ютившаяся возле стен замка, перестроилась, разрослась и превратилась в небольшой, но уютно спланированный бург. Вокруг него каменщики уже заканчивали возводить небольшую, но достаточно прочную стену, снабженную двумя маленькими надвратными башенками и мини-барбаканом.

Местное население, жившее раньше в деревеньке возле

замка, было отселено в новое место, специально отстроенное Сугерием. Эта красивая, аккуратная и живописная деревенька стояла в двух лье от замка, чуть ниже по течению реки. Пять водяных мельниц, шумно плеща своими колесами по водной глади, исправно перемалывали зерно, привозимое из соседних и даже отдаленных селений, превращая его в отборную муку.

Все жители этого селения считались вольноотпущенниками, обязанными королю целой серией оброков и повинностей, что было несколько обременительно, но, тем не менее, стало способствовать развитию торговли и ремесел. Ведь сам вкус свободы, с каким бы горьковатым привкусом он ни был, в одночасье превращает и облагораживает человека, как бы раскрывая ему глаза на мир, окружающий его, но до поры до времени скрытый за пеленой рабства.

Не прошло и пары лет, как на окраине деревни были отстроены четыре больших кузницы, занимавшихся изготовлением и ремонтом кольчуг местного производства. И хотя их качество, прежде всего из-за неважного качества местного железа, значительно уступало немецким или итальянским образцам, они считались вполне сносными для экипировки арбалетчиков и остальных вспомогательных отрядов.

– Живописная деревенька... – Оливье весело присвистнул, поравнявшись с конем Филиппа де Леви, – я даже и в мыслях не мог подумать, что у нас, во Франции, может вырасти такое чудо!..

Филипп прервал свои раздумья, рассеянно посмотрел на оруженосца:

– О чем это ты, Оливье?.. – Оруженосец сообразил, что невольно отвлек своего сеньора от каких-то мыслей, виновато пожал плечами и повторил сказанное. – Естественно, если бы и у нас были такие средства и, прежде всего, возможность даровать волю вилланам и сервам, мой отец, долгие ему лета, да и я, несомненно, сделали бы то же самое...

– Ну, так испросите такую милость у его величества!.. – не сдержался оруженосец, вызвав своим резким заявлением крайнее удивление у Филиппа. – Вам, ей Богу, не помешало бы заполучить нечто подобное! – Он показал пальцем на водяные мельницы и кузницы.

– Это верно... – грустно вздохнул рыцарь. – Но, к сожалению, у меня нет такого же умного советника, как монсеньор *аббат Сен-Дени*...

– Зато, мессир Филипп, у вас есть верные и преданные слуги! – Оливье изобразил на своем лице ангельское выражение.

– Ах ты, прохвост! – Засмеялся рыцарь. – Если сам себя не похвалишь, то и день прожить не сможешь!

– Напраслину возводите, сеньор... – смущенно закатил глаза Оливье. – Ой! А вон и патруль к нам едет!.. – Он приподнялся на стременах и показал пальцем в сторону деревни, откуда выехали пять всадников.

Филипп протянул к нему руку и сказал:

– Шлем...– Оливье протянул ему шлем. Филипп надел на голову кольчужный хауберк, расправил складки и надел шлем. – Труби! – Оливье извлек из чехла боевой рог и трижды протрубил. – Разворачивай пеннон!..

Над небольшим отрядом взвилось ярко-желтое квадратное знамя с тремя черными стропилами. Концы пеннона украшали три треугольных хвоста: символ того, что предводитель отряда равен графу. Филипп был благодарен отцу и, прежде всего, королю Людовику, даровавшему такое исключительную для простого рыцаря, привилегию.

Патруль подъехал ближе и замедлил ход, из его рядов вышел воин в полном вооружении и кольчуге, который поднял вверх копье, украшенное синим королевским значком, и крикнул:

– Соблаговолите назвать ваше имя и цель приезда!..

Филипп кивнул головой, Оливье выехал вперед и, поравнявшись с командиром патруля, громко произнес:

– Его милость Филипп де Леви, сеньор де Сент-Ном, следует к монсеньору Сугерию по срочному вызову его величества наихристианнейшего короля франков Людовика! С мессиром де Леви следуют воины его копья и обоз!..

Воин учтиво поклонился и ответил:

– Мы ожидаем вас, мессир де Леви! Добро пожаловать в *дистрикт* замка Монкруа! Я, шевалье Жан де Романкур, состою на службе его величества!..

Филипп махнул рукой, приказывая отряду продолжить

движение, подъехал к рыцарю и, протянув руку, произнес:

– Очень рад знакомству, мессир де Романкур...

Патруль развернулся и, следуя впереди отряда, поехал к замку. Жан поравнял свою лошадь с Филиппом, пожал руку и ответил:

– Мне довелось служить с вашим великим родителем, мессир Филипп...

Тот удивленно взглянул на воина. Жану, от силы, было чуть больше двадцати пяти лет:

– Признаться, я не ожидал встретить шевалье, служившего вместе с моим отцом. Он, долгие ему лета, вот уже шесть лет, как принял постриг и оставил суету мирской жизни...

Жан покачал головой, соглашаясь со словами рыцаря, несколько виновато улыбнулся и ответил:

– Я был совсем еще юным, когда ваш отец прибыл, кстати, в Монкруа и забрал всех нас на выручку его величеству, блокированному под Бремюлем...

– Бог мой! – Воскликнул Филипп. – Вы были там?! В этой мясорубке?!..

– Даже выжил, мессир... – глухим голосом ответил Жан. Его взгляд сразу же окаменел, скулы на лице напряглись, а под кожей щек заходили желваки. – Из нашего отряда смог выжить только каждый третий. Мне, вот, повезло...

– Простите, мессир Жан, что я невольно затронул слишком деликатную для вас тему... – вежливо извинился Филипп.

– Это мелочи, мессир. Это мелочи... – отстраненным голосом ответил рыцарь. – Ваш отец показал нам пример настоящего мужества, верности и чести...

– Благодарю вас, мессир де Романкур...

Жан улыбнулся, на этот раз, гораздо веселее:

– Англичане, признаюсь вам честно, даже не ожидали от нас такой прыти! Говорят, что его величество Генрих Английский был так поражен отвагой франков, что собственноручно повелел прекратить сражение!..

– Да... – задумчиво произнес Филипп. – Славные времена проходят. Боюсь, что теперь подобное не в чести, а скоро, не приведи Господь, об этом будут только слагать легенды...

– Что верно, то верно, мессир Филипп. – Кивнул Жан. – Теперешние войны стали больше походить на скотобойню, чем на состязание в благородстве, отваге и чести! Одни наемники, арбалетчики и *брабантцы*... – Он презрительно скривил лицо и плюнул на землю, произнеся последнее слово. – А вот, мессир, и цель вашего визита! Замок Монкруа...

Филипп и не заметил, как за разговором они подъехали к воротам замка. Мост был опущен, решетка поднята, а ворота открыты. Возле барбакана стояла сильная стража, которая пропустила внутрь замка только патруль и Филиппа де Леви в сопровождении оруженосца. Остальным же воинам отряда Филипп приказал следовать к большому зданию, сложенному из белых известняковых камней, где располагался постоянный двор, таверна и гостиница, и дожидаться его воз-

вращения.

Проехав полумрак ворот, Филипп и Оливье въехали в небольшой, но уютный внутренний двор замка и, пустив коней неспешным шагом, поехали за Жаном де Романкуром, направлявшимся к маленьким и тесным воротам цитадели. Низкая стрельчатая дверь вынудила Филиппа пригнуть голову, чтобы проехать, не слезая с коня чрез ворота.

Двор цитадели был полон воинов, занимавшихся делами: часть их толпилась возле арсенала и, разинув рты, разглядывала ровные ряды всевозможного оружия, тогда как остальные сгрудились возле ступеней лестницы, ведущей в донжон, и слушали речь крепкого рыцаря с седыми волосами, хрипло объяснявшего им что-то из общей тактики конного боя.

Филипп ловко спрыгнул с коня и, отдав его Оливье, быстро взбежал по ступеням, следуя за Жаном. Они поднялись на второй этаж донжона, де Романкур постучал в низкую стрельчатую дверь, окованную железом, раскрыл ее и исчез, не забыв плотно прикрыть ее за собой. Де Леви переминался с ноги на ногу, ожидая аудиенции со столь могущественной и всесильной персоной, каковой являлся монсеньор аббат Сен-Дени Сугерий. Дверь, слегка скрипнув в петлях, раскрылась, из неё вышел улыбающийся Жан, который произнес, приглашая рыцаря войти:

– Монсеньор ожидает вас, мессир де Леви, де Сент-Ном...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.